

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Иван Галаев

Мышиная возня

Книга конторских чиновников

Иван Галаев

**Мышиная возня. Книга
конторских чиновников**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Галаев И.

Мышиная возня. Книга конторских чиновников / И. Галаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга соткана из рабочих дневниковых записей, рассказов и житейских заметок. Повествование ведётся от имени нескольких людей, которые заключались в личину конторского служащего. Истории разбавляются размышлениями о происходящем и сущности бюрократии в целом. Негласные правила, особенности мышления государственных людей, корпоративная этика, парадоксы профессии и неведомые силы, - всё это затронуто. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ТРУСОСТЬ И ПОДЧИНЕНИЕ	7
Много начальников	7
Рояль в кустах	9
Про японскую настройку светофоров	12
Продление контрактных сроков	13
Садики	14
Случайная резолюция	15
Заповеди	17
БЕСКОНЕЧНЫЕ ПЕРЕДЕЛКИ ОТ СТРАХА	22
Правки	22
Переделки	25
Светофоры на Обходе	29
Обычный день	32
Пишу письмо	36
На своде	42
Доклад готовишь ты, потому что так проще для меня	48
Придумай себе задачу	50
Поиск здания	52
Оперативная работа	54
Архив	56
УПОРЯДОЧЕВАНИЕ ВРАНЬЯ	58
Рутина	58
666. Пешеходники	61
Всё кривое	64
Не думай, не разбирайся и не запоминай	70
Информационно-аналитическая записка	75
Земельный участок	77
НАЕЗЖАЛКИ И ГАСИЛКИ	80
Сверхзадача: срочно найди переписку	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

ПРЕДИСЛОВИЕ

Место работы обеспечило меня благодатными условиями для размышления. Когда-то давно Я был принят на госслужбу, взамен одного уволившегося, который прослыл никаким работником да к тому же своенравным человеком. Этот предшественник настолько стал ненавистен руководству, что говорить о нём в коллективе считалось дурным тоном. Пресекалась любая попытка вспоминать его; как нежелательную страницу истории, специалист был не желателен даже в прошедшем времени.

Коллега покинул свой компьютер и стол, не позаботившись о порядке. Спешил ли он, был рассеян, или умышленно не хотел облегчать участь последователей – кто его знает? Придя на его место, кое сохранило дух прежнего быта, Я затратил годы, чтобы разобрать переписку как на бумаге, так и в цифре. В ходе раскопок наткнулся на своего рода заметки про жизнь в заведении. Приняв их за очередную деловую корреспонденцию, для пользы дела, безо всякого зазрения совести, принялся знакомиться с ними. Посты оказались некоторым откровением предыдущих обитателей. Поначалу было даже неловко, но потом втянулся и проникся.

Автор словно видел отдушину в своём дневнике и доверял ему мысли. В годы II мировой войны некто Джером¹ штурмовал Нормандию с шестью главами своей будущей книги в сумке. Переключение на писательство помогало ему выжить и не расклеиться. Кто знает, может быть на что-то подобное рассчитывал и мой бывший коллега...

Благодаря его записям, многое, на что ранее Я не обращал внимания, становилось отчётливым, и даже закономерным. Приходило осознание, что общий принцип не меняется на протяжении многих лет и при любых курсах власти, а Я повторяю судьбу того парня.

Позже, когда у меня начал появляться свой опыт «пребывания», захотелось немного систематизировать материалы, доставшиеся в наследство, и пополнить своими наблюдениям. Перенимая эстафету, посетила мысль, что подобным образом мог поступать и он – предшественник. Не исключено, что писанина такого рода является уже некой традицией за нашим столиком. Кто знает сколько было авторов этого дневника до меня? К тому же повествование то и дело захватывало дремучие времена, а стиль повествования был далеко неоднородным.

Точные даты событий, фамилии действующих лиц и прочие ориентиры, по которым можно установить кого-либо, – почти отсутствуют. Учитывая, что данные найдены мною на служебном оборудовании и без указания их происхождения, призываю считать их достоянием родного департамента.

Ставлю на всякий случай прежнего пользователя компьютером своим соавтором, и хватит мне уже об этом.

Наша профессия уникальна: она не отличается престижем, геройством или романтикой, но она вездесуща и многогранна. Где только о «чиновнике» не упоминают, и чего о нем не сказывают. Мы официально признаны виновниками всего происходящего, и не происходящего тоже. О нас сказано предостаточно гадкого, а само слово имеет нарицательное значение. Отрасль, в которой довелось трудиться, не менее постылая для любого соотечественника – дороги и транспорт. Когда-то Я был рядовым дорожником в оранжевой спецодежде, а услышав насмешливую поговорку о дураках и дорогах, всегда переводил стрелки на власть, и считал это неоспоримым. Со временем, по иронии судьбы, Я перепрофилировался в служащего, и разгадка стала не такой однозначной.

Предлагаю и читателю окунуться в эту среду обитания, примёриться, так сказать. Ведь только сбоку кажется, что всё на поверхности и реальность легко охватывается двумя ёмкими

¹ Вероятно, Дж.Сэлинджер, «Над пропастью во ржи». – ред.

словами «тупоумие» и «взятки», на самом деле здесь всё сложнее и не так, как видится снаружи; тут, как нигде, играет роль человеческое естество со всеми своими проявлениями.

Любой орган власти – институция с подковёрной вознёй, интригами и заговорами. Хлопоты, связанные с ними, требуют гигантских трудов и посему занимают основную часть времени. Иногда хитросплетения забирают все силы, не оставляя энергии на реальные, пусть даже никому не нужные, «дела». Часто «корпоративный уклад» проникает в личную жизнь, трансформирует душу и вообще подавляет всё «живое». Каждый день нужно не слабо постараться, чтобы понять контекст текущих событий, не нарушить кулуарную «технику безопасности» и не пропасть. Госслужащий в своей работе учитывает очень многое. Действия подразумевает не только заботу о миссии, но и правильный учёт попутных обстоятельств и мнений.

Система в целом крайне лицемерна и наполняют её не самые надёжные люди, поэтому необходимо знать, в каком месте подкакивать, что утверждать и от чего отрезаться. А ещё желательно уметь делать так, чтобы любое «да» можно было легко перекрасить в «нет», если на то случится оказия.

Занятия, ненавистные простому обывателю – бумажная рутина, согласования согласований, хождение по кабинетам, выяснение причинно-следственных связей и доказательство очевидностей – складывают мою повседневность.

Объединяя небольшие истории в книгу, умышленно избегаю художественности, чтобы сохранить достоверность былого. Между тем постараюсь максимально доступно и точно отобразить мотивацию поступков, которые складываются в механизм, поясню что движет людьми на службе, и какие они по себе, эти «люди». Сфокусируюсь на внутренних конфликтах главных героев, наглядно приведу парадоксы профессионализма и непрофессионализма бюрократов; затрону избитые стереотипы и мифы о нас.

В действительности, насыщенность событиями не плохо избавляла авторов от трудов над сюжетом: даже самые простейшие ситуации, при прохождении через «них», принимали такие причудливые формы, что и впрямь порой диву даёшься.

Ну да ладно.

Администрация! – о тебе это всё.

Здесь собраны подлинные истории.

А если что было не так, всё равно правда

ТРУСОСТЬ И ПОДЧИНЕНИЕ

Много начальников

Ни в одном месте, как здесь, нет столько начальников. Даже младший специалист у нас является «командиром» т.к. действует под флагом своего ведомства. А иерархия здесь не только между должностными, но и между структурами. Подчинение, благодаря хитросплетениям и кумовству выстаиваются в прямую (формальную), косвенную и ещё бог весть какую. Можно быть целым директором муниципального учреждения, но при этом беспрекословно слушаться секретаря из Административного Департамента. Причем статус, чаще всего, закрепляется не строго юридически, а закулисно. Здесь целый водоворот руководства со своими официальными и неофициальными полномочиями. Нарисовать блок-схему в виде отчётливой пирамидки не получится, и отобразить все связи – тоже.

Например, в Полиции равное звание могут иметь инспектор дорожно-патрульной службы, участковый, сотрудник отдела безопасности и пресс-секретарь. Расставить их по старшинству без привязки к конкретному делу и без особой «чуйки» не выйдет. А если дело дополнительно затронет смежные ведомства, знакомства, то погоны вообще перестанут иметь значение.

Кто-нибудь задумывался, какая из структур выше рангом: КГБ или МВД? Служба безопасности СД или Гестапо?

Здесь у каждого начальника есть ещё несколько шефов сверху, сбоку и снизу. Бывают даже случаи, что в зависимости от ситуации или особенности «индивидуальных поручений», мы меняемся местами по своему рангу. Сегодня Я «отжимаю» тебя по одной задаче, спущенной мне сверху, а завтра ты «отожмёшь» меня, если будет на то указание или сменится политическая формация. Оперативные полномочия перекрывают должности, звания и чины. К субординации здесь отношение щепетильное, но при этом она не такая уж чёткая, понятная и однозначная. Кто где и в чём главнее, и от кого он зависит больше, – пойди разбери.

Наиважнейшее значение при таком бурлении чинов играет деловая корреспонденция. Бумага! Каждое решение и каждый жест закрепляются печатным словом. На совесть и устные речи здесь не полагаются – это правило номер ноль. Нет запечатлённого слова – ничего нет: все сразу будут непричастными, а крайних не найти.

Каждый документ, прежде чем покинет «своё» заведение, проходит цепочку согласующих лиц и в процессе этого исправляется. При этом важно понимать, что переделками занимается не тот, кто «не доволен», а первоначальный автор. Учёт мнений придирчивых особ есть большая тематика, достойная отдельного изучения. Очень часто замечания и пожелания взаимоисключают друг друга, а корректоры противоречат даже сами себе. От силы сопротивления создаётся впечатление, что преодолеть «недовольство» невозможно в принципе. Говорят, что у двух юристов три точки зрения, но по моим наблюдениям, один хрестоматийный чиновник, когда начинает елозить, он с лихвой превосходит ватагу правоведов.

Вот, например, приходит из какого-либо министерства пустяковый запрос о количестве телеграфных столбов. Неизвестно зачем, непонятно как – предоставьте, и всё тут. Срочно!

Казалось бы, какой вопрос, такой и ответ. Первое, что приходит на ум нормальному человеку – столбов много и состояние у них разное. Неттт! Так будет не корректно и не исчерпывающе. А вдруг огорчатся, нажалуются куда не следует? Зачем злить? Самый первый согласующий на всякий случай потребует указать количество этих самых столбов с разделением на металлические, железобетонные и деревянные. В штуках, с примечанием...

Следующий заподозрит, что вопрос совершенно не об этом и мы занимаемся ерундой: надо написать о том, что это не наша епархия и указать всех балансодержателей, к которым следует обращаться уважаемому министерству.

Третий заинтересуется балансодержателями и скажет, что надо бы провести внутреннюю инвентаризацию и предоставить полные данные о собственниках с раскладкой их хозяйств. Укажите сколько столбов-опор у каждого владельца, в каком они состоянии и какого назначения. Запросите у всех официальным письмом, это ж федерация, вы что!!!

По ходу подготовки информации появится мощная таблица на 20 столбцов со множеством строк, и всё равно будут вопросы, вопросы, замечания, замечания, дополнения, дополнения... Обязательно спросят: «А опоры линий электропередач считаются?». На каждом этапе возникнет свой ступор, будут меняться акценты, а ответственный исполнитель, будет вынужден обнимать необъятное.

Информация всегда раздувается и детализируется до тех пор, пока не наступит крайний срок завершения задачи. При этом, обычно, выясняется, что отсутствует ВОЗМОЖНОСТЬ заполнения тех граф, которые сами же и придумали. Приходится сочинять «кашу из топора» и подгонять это всё под изобретенный формат...

На выходе получится коротенькое письмецо, в котором будут указаны цифры из колонки, наспех заполненной своими же домыслами. Так рождается ложь.

Кто-то из сообразительных может сказать: а что, нельзя позвонить автору запроса и спросит, чего ему конкретно хочется видеть в ответе? Можно, но это ничего не даст и не прояснит т.к. на том конце провода сидит такой же горемыка и испытывает такие же трудности, как и мы здесь. Спрашивающий, как и отвечающий не знает, что именно ему желать и что является конечной целью. Задача обычно ставится правильно только после второго неправильного её исполнения, и уточняется по ходу решения.

Отправляясь на каждой очередной доработке по ошибочному пути, увеличивается время прохождения документа. И даже если работник знает психологию и стиль работы своих шефов, он имеет шансов вырваться из этого заколдованного круга. Раз, и в дамки – не выйдет. Однажды, шутки ради, Я сделал сразу 6 разных версий – по одной для каждого звена, – чтобы убедиться в собственной способности угадывать желания своих «цензоров». Угадал с точностью до запятой! Это было не трудно, как оказалось. Гораздо сложнее увязать все эти противоречия в единой версии. Проходя цепочку «авторитетных мнений», конечный вариант текста (письма, доклада, информационного материала, статьи для СМИ и пр.) исполнителю часто приходится доделывать ночью. Чтобы сокращать время бестолковой процедуры, некоторые хитрят – они «ходят через ступеньки». Для этого в маршруте умышленно пропускаются формальные звенья согласующих. При такой оптимизации работник как бы пренебрегает местными талантами, поступая на своё усмотрение и под свою персональную ответственность. Подобные манёвры не возбраняются, но обычно выходят боком. Самостоятельность – угроза карьере, и на службе лучше так не делать. И вообще, быстрее и правильнее в таком месте не значит лучше.

Рояль в кустах

Когда противник не знает где на него нападут, он вынужден готовиться в десяти местах одновременно

/Сунь Цзы. Искусство войны/

Работа органов власти выстроена таким образом, чтобы команды проходили только сверху в низ. Все докладывают начальству, а обратно получают ценные указания. От подчиненных требуется «правильная» исполнительность, информированность и блеск в глазах. Каждый, даже если он маститый начальник, терпеливо ждёт решения вышестоящего должностного лица. Никакой самостоятельности! Инициатива опасна для карьеры, в случае чего, можно оказаться во всем виноватым персонально. Самостоятельный – значит незащищенный. Поэтому делается так: Вы, Ваша Светлость, решал, а Я только слушал и исполнял. Если чиновник будет «сам», то эта машина его воспримет как инородное тело и быстро вытолкнет.

В этой вертикальной структуре власти у каждого участника перед вышестоящим множество справок и отчётов по любому из возможных вопросов, относящихся и не относящихся к его компетенции. Информирование верхних чинов – это главная фишка в госструктуре. От малого до большого готовят справки, чтобы по первой необходимости компетентно доложить наверх и не попасть в категорию неосведомленных бестолочей.

Не надо только думать, что низы атакуют верха с бесконечными расспросами в ожидании готовенького. Никто не ходит (!) и не открывает рот лишний раз. Руководитель, который реально управляет, чаще всего строгий и деспотичный, у него свои мысли, и других он не слышит. Никакой учтивости по отношению к нижним ярусам... Подчиненный никогда не придет к нему с реальными проблемами, не скажет, что он и вся его команда оказались в тупике без «Вашего-С» решения и не попросит конкретики в задании. Такая бестактность карается жесточайшим образом. Любая, даже самая острая проблема затрагивается только когда Его Величество само спросит: «А как у вас (уроды) там с этим, как его...?» Никто не знает, что захочет спросить строгий boss. Угадать, что придет на ум тому, от кого зависит карьера – сложно. Здесь может быть что угодно и когда угодно. Вопрос бывает задан даже не по адресу и в непонятной форме – и лучше не переспрашивать. Любой контакт опасен и высока вероятность, что он станет последним. Диалог с начальником – это «рискованный бизнес»², как говорили американские лётчики в годы Второй мировой про смертельный прыжок из кабины самолёта. Во избежание опасности проявить свою профнепригодность готовится вся информация от сотворения мира и ещё чуть-чуть прозапас. Любой материал для «похода» – шведский стол!

По каждому из предметов обсуждения наш начальник среднего пошиба подобно фокуснику достаёт нужную информацию и начинает жалобным голоском (обычно с подчёркнутой на лице субординацией, а иногда и мокрыми штанами) докладывать. Некий рояль в кустах – неуклюжая, явно заранее подготовленная «осведомлённость», которая выдаётся за экспромт.

Проведу аналогию с более жизненной ситуацией: например, с установкой кухни в квартире.

Представим, что некий клиент хочет установить себе мебель, но не знает, чего конкретно хочет. Такое бывает часто, но в нашем случае это очень привередливая и важная персона. От её решения будет зависеть судьба не только контракта, а всего вашего бизнеса. Поставьте себя на место услужливого продавца или менеджера.

² *Англ. risky business – опасное дело*

Даже в повседневной безделице, от нечего делать или излишнего любопытства, можно задавать таких вопросов, что сотне мудрецов не ответить – чего уж сказать о делах крупных, государственных, да ещё и запущенных веками.

Как ответить мебельщику на предложение дилетанта о сносе стены и демонтаже потолка? Расскажет о конструктивных трудностях и углубится в предположения? А его попросят не умничать, потребуют предъявить доказательства невозможности мероприятий, стоимость каждого из альтернативных вариантов и точные сроки исполнения. Если бы дело было с простым человеком, каких ходит куча, то можно было легко отмахнуться своей узкой специализацией, либо отшутиться. В нашем случае такое совсем недопустимо – это путь в небытие. Придётся аргументированно и на лёгком языке отвечать. Причем парировать следует по всем пунктам сразу, либо брать паузу на уточнение того, о чём нет сведений и своими проволочками злить самодура заказчика.

При следующем контакте с «клиентом» надо будет ждать очередного фортеля. К примеру, он может возникнуть интерес о покупке соседней квартиры. Просчитать и обзвонить всех своих помощников тут же в столокабинете вряд ли удастся. На обсуждение темы, в силу занятости спрашивающего, всегда отведено не более пары минут его драгоценного внимания. Чем чаще «знаток» будет ходить за уточнениями, тем больше будет заслуживать дурную славу и раздражать важную персону. Даже если удалось взять тайм-аут его строгость не сидит и не ждёт, когда ему соберут интересующую информацию и придут доложить. Нет, это не так! Придётся присутствовать на каждом совещании, слушать доклады своих коллег о рыбной промышленности и успеваемости детишек в школах, пока не наступит звёздный час. В ходе этих переговоров «знатоку» попутно задают еще долгоиграющих вопросов.

Сообразительный работник, если он хочет сильно угодить и при этом не увязнуть в «диалоге», будет наперед просчитывать все возможные варианты: такой заготовит по роялю за каждым кустом и многократно перестрахуется. Лучше сразу произвести замер всего помещения, поинтересоваться о застройщике, оценить работу лифта, выслушать все слухи от соседей и составить добрую экспликацию с табличками, рисунками и расценками.

Собрать надо всё обо всём, но при этом держать этот бесценный груз под рукой, а не вываливать его кучей заказчику. Только коротко и по существу, как в рубрике вопрос-ответ. Заказчик не должен ковыряться в нюансах, расчетах и закорючках, чтобы не дай бог, в его голове не поселилась мысль, будто его дурачат или усложняют дело. В речи желательно не использовать лишних фразеологических оборотов или слов, за которые можно зацепиться и углубиться в тему.

При этом главное не пересолить. Если отвечать сильно уверенно, то у заказчика возникнет желание осадить бойкого докладчика. Это называется «подстрелить вопросом». Почтенные господа не любят сильно ловких, прытких да толковых.

Наш бывший директор когда-то споткнулся на одной мелочи, которая привела к плачевным для него последствиям. Он выложил губернатору проблему, требующую его, губернаторского, решения на федеральном уровне. Директор видимо предчувствовал надвигающуюся беду и хотел успеть обезопаситься своим прогнозом, переложив аккуратно ответственность на начальника, но промахнулся.

– А что ты лично сделал для этого? – спросил его губернатор.

Директор Департамента опешил от такой постановки.

– Это ж федералки! – пробовал промямлить он. На это ему пояснили, что не глухие и повторили вопрос: «Что именно предпринял ТЫ, уважаемый?».

Что мог сделать директор местечкового ведомства в чужой, более крупной, епархии? Он в своей-то не всегда имеет слово, а здесь... Решать что-то с федералами, это как пытаться расшевелить соседа по даче или даже председателя всего кооператива.

Убрали, разжаловали. Забыт!³

³ В первоисточнике автор был рад такому событию, «хоть и жаль человека». – ред.

Про японскую настройку светофоров

Однажды, некто известный журналист Генри Шапиро из ЮПИ, проходя мимо здания ТАСС заметил возгорание. Все простейшие попытки достучаться до администратора (своего однофамильца – Соломона Шапиро) не увенчались успехом. Тот попросту счёл сообщение за розыгрыш. Только когда Генри подключил свои каналы в Нью-Йорке и через телемост запустил экстренное сообщение, тревога была воспринята всерьёз.

/одно из пояснений выражения

«Два мира – два Шапиро»/

В нашем городе несколько лет назад из-за точечной застройки начались такие пробки, от которых просто невозможно. Официально, дорожно-транспортная ситуация у нас напряжённее, чем в передовых азиатских столицах, – это любой подтвердит. Город маленький, но добраться куда-либо нереально. Транспорт только автомобильный, и тот стоит колом из-за перегруженных мостов через реки и железные дороги. Даже транзитники не в состоянии объехать это стойбище. Город превратился в препятствие на карте страны и её окрестностей, а великий народ с тысячелетней историей (как пишут местные газетчики) начинал закипать злостью и выплёскивать раздражение.

Для лечения наболевшего, были приглашены специалисты аж из целой Японии. Предполагалось, что иностранцы лучше знают суть вещей и обладают секретами пропорций. Они внедряют на основании правильных подсчётов систему регуляции уличного движения и транспортные потоки развяжутся сами собою, без особых денежных затрат. Считается, что наши умы не достойны того, чтобы их прислушиваться. Раз уж ситуация доведена до такого коллапса, то продолжать в том же духе – бессмысленно, нужны свежие идеи.

Зарубежные эксперты всё изучили, проанализировали и заключили, что без кардинальных мер не обойтись. Наконец-то было озвучено, что проблема запущена; требуется строительство двухуровневых транспортных развязок как минимум в 30 местах с завершением начатого 20 лет назад Обхода города. Перечень предложений подозрительно совпал с тем, что давным-давно имелось в местном Гортрансе. То, что сообразили иностранцы было очевидно для местных много назад, а мероприятия, в подтверждение тому, уже сидели в соответствующих документах территориального планирования; 90% предложений зарубежных коллег уже залежалось в архивах. Все всё знали, но боялись отстаивать такое на приёме у первого лица. Приглашение экзотических специалистов имело целью не найти хитромудрое решение, а донести имеющееся наверх.

Донести соображения «кому следует» смогли только японцы. Они независимые эксперты! Для таких губернатор не начальник и выслуживаться им незачем.

По закону Паркинсона, учреждение, в котором работает более тысячи сотрудников, становится «самодостаточным» (т.е. больше не нуждается в контактах с внешним миром).

Нуждается, ещё как нуждается...

Продление контрактных сроков

Однажды получилось так, что крупный объект запланировали, а денег в бюджете под него не хватило. Такое бывает. Редко, но бывает. С подрядчиком был заключен даже контракт. В рамках контракта ни камня не сдвинулось с места: нет аванса – нет работы. Все ждали команды главного распорядителя – губернатора. Месяц ждали, два ждали. На всякий случай гос. контракт не расторгался. После, губернатор всех основных участников «предвкушения» позвал к себе, и без особых разъяснений сказал, что надо продлить заключенные договорные отношения ещё на год-два, а лучше даже и на все три.

По его предположению за это время должны были появиться деньги, которыми можно будет рассчитаться со строителями. В скором появлении денег никто из присутствующих не отважился усомниться. Все мы понимали, что откладывание дела на потом – древнейший в мире трюк, но помалкивали.

Безропотно сидел на своём викторианском стуле и сам Подрядчик, только имел при этом некоторую хмурость. Заговорил он когда все вышли с приёма. Едва захлопнулись ворота, заговорил он так, что, обдал присутствующих красноречием. Начались бурные дебаты. Оказывается, дело не только в проволочках, организация теряет большие деньги от такого манёвра. Продлить государственный контракт ему не выгодно, потому что для адаптации к новым условиям ему потребуется увеличение срока банковской гарантии и покрытие из собственного кармана⁴ удорожания всего на свете.

По грубым подсчётам (прямо в приёмной, на затёртом смартфоне), расходы на объект от такого манёвра должны повыситься ещё на 2 млн. евро, что сопоставимо стоимости просторной квартиры в центре столицы любого топового государства мира.

Подрядчик оказался в щекотливом положении: государство хочет по вчерашней цене построить объект завтра, а заплатить за него послезавтра.

Подобные инициативы болезненны не только с финансовой точки зрения; в нашей полуплановой системе экономики они настоящий кошмар бюрократа. Это высшему руководству менять даты, названия и объёмы не составляет труда, для исполнителя подобная инициатива как перестановка железнодорожного поезда с одного пути на другой.

Впрочем, в присутствии губернатора об этом говорить не стали. Зачем? Много этот дядька в стройках понимает. Да и вдруг ещё какие мысли посетят его голову от наших возражений, и какие оргвыводы они повлекут за собой. У нас хоть и не древняя Греция, где гонцам головы отсекали за плохие вести, но всё же лучше не драматизировать.

Стерпится-слубится. Общим трусливым молчанием был запущен очередной дисбаланс, который в последствии пришлось выравнивать другими инструментами и механизмами. Опять крокодиловы слёзы, фальшивые стенания, расчёты-подсчёты, спецобоснования и целевые субсидии на компенсацию издержек подрядчика. Работы хватило всем.

А на серьёзных совещаниях лучше не перечить, нет.

Ни-ког-да!

⁴ Дефляторы, доплаты и преференции на стадии действующего контракта невозможны. Увеличение стоимости объекта в ходе строительства – строго запрещено по закону.

Садики

В одну жаркую осень предстояла подготовка к Губернаторским выборам (заглавную букву в таких словах, кстати, принуждают ставить обязательно). Деньги были отведены под них срочно, хоть и предсказуемо. Понадобилось склеить план действий по пусканию пыли в глаза. Выбираемым лицом были указаны основные направления работы, и поехали. Сфера, которую курировала наша структура, должна была ознаменоваться досрочным вводом в эксплуатацию нескольких детских садов и приведением дорожной сети в божеский вид. Мероприятия обсуждались в самых высоких кругах, сомнений в серьёзности намерений быть не могло.

Цена вопроса по садикам составляла 5% от расходов по приведению в порядок дорожной сети. При этом по мало кому понятной причине садики обсуждались более детально и скрупулёзно – они стали приоритетом.

Произошло такое не оттого, что дети – святое. Нет. И даже политический популизм там роли не сыграл, – поверьте на слово. В качестве главного мотива здесь вышла всё та же чиновничья осторожность.

Обсуждение легких тем с начальством всегда проще т.к. меньше вероятности быть засыпанным на сложных вопросах в ответ. К тому же, руководитель нашей структуры, который ходил к губернатору – это бывший работник сферы общестроительных работ по социальным объектам. Садики – его епархия, по ним он может рассказывать часами и с упоением, а про дороги только в общих чертах, и то сомневаясь в собственных словах. Тема была выбрана из соображения личной безопасности.

Малую йоту обсуждали порядка 3х недель, а решение миллиардного вопроса пошло в качестве дополнения и, практически, в слепую. Главное правильно расставлять акценты, и всё получится.

Пока ходили к губернатору и боялись собственной тени, настала глубокая осень – полетели белые мухи. Дорожники героически сражались с бездорожьем в самую студёную пору. Проезжающие водители фур обзывали работяг простыми, но ругательными словами, а журналисты показывали их по телевизору во всей красе.

Я, помню, мямлил там на камеру что-то невразумительное, призывал к безмятежности. Мы порой такие несмышлёные и беспомощные со стороны, ага.

Случайная резолюция

Иногда ветвистый документооборот на фоне всеобщей трусости творит чудеса.

Повадился нам как-то писать один не совсем славянский не совсем дедушка. Надо признать, что самые недовольные жалобщики, как правило, не из светловолосых соотечественников, с правильно поставленной речью, – но это ладно, к слову пришлось.

Старик с фамилией тюркского происхождения сутяжничал во все инстанции и звонил по телефону круглосуточно. С его атак рабочий день начинался, ими же он и заканчивался. Можно было взять трубку телефона для того, чтобы связаться с кем-то, и в этот момент услышать дерзкий знакомый до боли голос. Наверное, человек нашел интересное для себя увлечение.

Он, кстати, из тех, кто любит провоцировать, скандалить да ловить на слове. Обычно всё развивается по одному и тому же сценарию: резкие вопросы и гонор, чтобы изобразить нападение, дальше следует смягчение тона и даже переход на свойское «ты». Собеседник, в роли которого часто оказывается никто иной как Я, не желая конфликтовать принимает такой уровень общения и как бы идёт на встречу. Диалог наконец-то переходит на «дружественный» манер, но в этом есть ловушка. Чуть погодя, такого зазевавшегося на посту ждёт дисциплинарный призыв: «Что вы мне говорите? Я старше Вас! Будьте корректны в выражениях!». Опппачки, и ты уже вынужден оправдываться и защищаться. Это как встреча с пьяным хулиганом на дороге, который нахально движется по встречке. Ты вроде желаешь мира, уходишь от него на другую полосу, уступая пространство, а он – сволочь раз, и возвращается в свой ряд, и теперь уже ты становишься виновником чудовищного ДТП. Находясь на службе, нужно чётко чувствовать своё русло, ни в коем случае не пасовать перед провокаторами. Иначе накажут – как пить дать.

На сей раз деда интересовал вопрос строительства 20 км дороги через болотистую местность до глухой деревни с населением 20 человек. Все жалобы начинались с того, что предков переселили в худые места в ходе Столыпинской реформы. Дальше шло повествование об исторической несправедливости и перетекало в нынешнее горе. Все проживающие в деревне являются школьниками, пенсионерами и инвалиды одновременно. Доводов и подробностей всегда много, но Я о них не буду.

Письма были без запятых, все слова в них с маленькой буквы и с хромающей орфографией: пАсмАтрите, цЭркоФь, от_туда..., но направлялись они без стеснений куда только хватало фантазии. Каким бы высокопоставленным должностным лицом не был адресат, сходились все его жалобы по неизвестным причинам именно на мне одном. Менялись маршруты, сроки и резолюции, неизменными оставались только суть обращений и Я – ответчик. Результатами рассмотрения, как и следует предполагать, были такие же, похожие друг на друга, беспросветные ответы: «То да сё, пятое-десятое – денег нет, приоритета тоже... Извините, у Региона есть дела поважнее».

У кого терпения больше.

Однажды на одном из его обращений, спущенном из Полпредства по федеральному округу, внезапно закрепилась неоднозначная резолюция: «Разобраться, оказать содействие», которая автоматически подкрепилась красной печатью ДСП⁵.

Надо понимать, что резолюции подписываются обычно в предложенной помощником форме, но в нашем случае полунамёк верховного ведомства в купе с грифом секретности был расценён референтами из нижестоящих органов власти как команда к действию. На каждом из последующих уровней власти, через который проходила жалоба, резолюция становилась всё конкретнее и обременительнее.

⁵ Для служебного пользования

Каждый боялся звонить уточнять и пересылал ниже, приписывая свои 5 копеек. А вдруг у полпреда там интерес какой шкурный (?), а если это политические мотивы? Мало ли причин для протекции – спрашивать не тактично. Чур-чур...

В конечном итоге, мой директор Департамента распорядился: «Включить в план дорожных работ». Спорить здесь уже не было смысла, и ёрзать тоже.

Интересная картина получилась: срочно стал важен дорогостоящий участок дороги⁶ через комариные болота к «недонаселенному» населенному пункту. Чтобы включить даже кусочек этой прелести, мне придётся отсеивать «неприкасаемые» объекты, включенные по прямому указанию сверху. План дорожных работ и так аккуратно соткан из личных хотелок губернатора с учётом рекомендаций его влиятельных друзей. Даже они свои объекты выстраивают в порядке приоритетности, чего уж тут говорить о наших, посчитанных НУЖНЫМИ, делах. Придётся, вероятно, отказаться от чего-либо ранее обещанного. Процесс больной и не приятный для всех.

Написали полпреду, что приступим в следующем году, и всё такое. Отвечать нас вынудили от лица департамента, и это очень удручало. Вся незадача в том, что отказать нам боязливо, а обещать от своего «департаментского» без подкрепления – чревато последствиями. Кто знает, как поведут себя остальные ведомства и руководители, когда придёт время исполнять обещания.

– Ты обещал, ты и делай, – скажут, – а денег не дадут. И будем мы потом носиться со своим «объектом» как грешница с незаконным дитятей.

Ещё и объяснений с губернатором не избежать.

Представляю:

– Уважаемый губернатор, раз уж мы очень сильно побоялись отказать начальнику, который еще повыше Вас, будьте добры выделить дополнительных многоденег, или откажись от одной из своих хотелок. Улыбочку.

После этих слов можно сразу застрелиться из пистолетика, который у них по-генеральски прицеплен резинкой к карману, на всякий случай. Как там называл один известный президент пострадавшего экс-главу Украины, – «Политический труп», вроде?

Пока мы выкручивались как могли и корректировали планы дорожных работ, заявитель написал одному бездельному областному депутату – «заднескамеечнику». Письмо, как и всюду, было переадресовано мне. К этому моменту вопрос в аккурат решился положительно, и Я смело ответил одним письмом на всю кучу накопленных за месяц жалоб. И депутату Я ответил тоже. В глазах заявителя получилось так, что вопрос резко решился только после его обращения к Депутату.

Сразу, после моего оптимистичного письма, позвонил назойливый старик и со всем ядом, который у него был, подчеркнул:

– Ну что трухнули? Депутата послать не хватило духу?!

Жаль, что мне нельзя разговаривать на том же наречии, что и заявитель.

Кстати, судьбоносная резолюция была случайностью. Я всё же уточнил по старой дружбе у своих коллег в полпредстве. Нечаянно получилось, говорят.

⁶ Таких денег хватит на приобретение каждому из страдальцев по вертолёту Robinson-R44 Raven I, и ещё останется на топливо.

Заповеди

– Правду и дурак скажет, – усмехнулся Глымов, – а вот чтобы соврать толково, надо бабку хорошую на плечах иметь.

/х/ф Штрафбат/

Одну крупную государственную особу, после очередного своего ляпа на телевидении, осенило – надо всех подчиненных собрать и объяснить, как следует правильно готовить его сиятельству материалы для публичных выступлений.

Руководителя не волновало, что в данном направлении уже чего только не предпринималось. Единые стили лукавства не закреплены где-либо, но их правила известны каждому из нас лучше, чем Отче наш. Авторы докладов и слайдов получали уже не раз по носу вместе со своими шефами. Структура выстроена так, что над исполнителями стоят более опытные (битые) настоятели, которые заставят своего специалиста перевернуть предложение 10 раз перед тем как отправить его выше или опубликовать. Любой песне наступят на горло много раз, да так, что это будет не песня, а хрип. Даже сиюминутное настроение «верхов» здесь как нигде значимо. В штате имеются особые люди, в обязанности которых входит распознавание настроения его величества. Перед анонсированием чего-либо пресс-секретарь с сугубой тщательностью проверяет орфографию в тексте, исправляет стилистику на более народный язык и подгоняет его под артикуляционные способности докладчика.

Вроде бы всё давным-давно уже придумано. Но нет!

Лекция была обозначена как событие эпохи дня; присутствовать было рекомендовано начальникам всех мастей, чтобы дважды не повторяться. В просторный кабинет с лепниной на потолке прибыли все причастные и не причастные к этому процессу: необходимо было продемонстрировать исполнительность и показать себя.

Пока мы заполняли помещение, хозяин кабинета строил высокомерный и властный вид. Для настройки толпы на нужный лад он рявкнул на своего секретаря: «А ты чё лыбишься?». Покуда тот что-то лепетал, все примолкли, потупив взоры, и даже тяжёлые викторианские стулья отодвигать от столов начали беззвучно. Тише мыши!

– Как бы мне тут не разулыбаться, – поймал себя на мысли.

Мне сильно повезло, что устроиться довелось рядом так сказать с никому неинтересным дядей Юрой из особого отдела, а не с Его, извиняюсь, Величеством. А то был бы мне на том совещании полный и окончательный конец.

Само дальнейшее выступление было скучным, как пасхальная речь патриарха, но чиновники внимали, застегнувшись на все пуговицы. Более сосредоточенных физиономий вообразить себе трудно: перед ними словно открывалось непостижимое сокровенное.

В связи с тем, что тема касалась вранья приукрашивания действительности, собрание подразумевалось не формальным, без протокола. И всё же чиновничья сущность просочилась. Т.к. все были людьми служивыми, с мышлением по одному шаблону, для закрепления «плена» родился документ под заглавием «7 заповедей. Принципы составления информации для СМИ». Получился протокол беспротокольного совещания.

Содержание такое:

1. Логика

Сведения по городским стройкам группируем и выстраиваем в закономерном порядке: федеральная собственность, областная, и в последнюю очередь – муниципальная. Объекты перечислять с запада на восток, с юга на север и по приоритетности.

Nb^ Замечено: в требуемой логике заключается уже три взаимоисключающих принципа: Мне до сих пор не до конца ясно, что окажется выше: федеральное на востоке, муниципальное на западе, или всё же то, к которому внезапно проявлен политический интерес сверху?

2.Про деньги ни слова!

Стоимость мероприятий указываем только СПРАВОЧНО! ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ВВОДА В КУРС ДЕЛА ВЫСТУПАЮЩЕГО, И ТОЛЬКО ЕГО! – уходим от цифр: сообщаем, что цена ещё на стадии формирования либо будет определена в ходе конкурсных процедур, ну а если вас заставили (!) озвучить хотя бы ориентировочную стоимость, то подробно рассказываем из чего она складывается: коммуникации, земля, количество съездов, длина всего и т.п.

3.Значимые факты

Делаем акценты на резонансные объекты. Детализация – лишнее. Обобщаем, пишем только то, что важно людям (мелочи, в том числе источники финансирования и рассказы про технические нюансы – никому не интересны).

4.Всем живется здорово! Больше позитива

Достижения. Любой результат состоит из «плюсов» и «минусов». Говорим только про «плюсы». Формируем общественное мнение по нормальному восприятию происходящего: «Это не застой и не бездействие – это вынужденное внимание другому фронту. Волнующую тему мы учтем в будущем долгосрочном периоде. Не всё сразу!». Ищем аргументы в пользу разумности действий правительства.

Негативные формулировки всячески обходить: исключать слова «ненормативное состояние», «недостроенный», «не планируется» и пр. и т.п.

Nb^ Интересно, а в других департаментах, например – здравоохранения, наверное диагнозы под запретом? «Дистрофия» или «больные» – не рекомендуются...

5.Дороги – это коллективная ответственность!

Дорожная деятельность состоит из двух направлений: строительство и содержание имеющейся инфраструктуры. Чем больше тратится на уход и сохранность, тем меньше на стройку. Вовремя не «переобули» колеса – колейность, мусорите – увеличение затрат на обслуживание, ездите с перегрузом – сокращение межремонтных сроков. При каждом удобном случае указываем на социальную беспечность граждан.

6.Всё не просто!

Во всех объектах приводим состав работ, их сложность. Объясняем доступным языком то, с чем мы сталкиваемся при реализации планов.

Nb^ не знаю точно, но в моём понимании этот пункт противоречит тому, что был за номером 3 – об афишировании только значимых событий, без скучной детализации.

7.Стало лучше!

Здесь было без комментариев.

Дальше, за текстом, следовал лист ознакомления, где в длинном списке значилась и моя фамилия.

Непонятным оставался нюанс: с чем нас пытаются ознакомить? Не имеющая юридической основы портянка, под которой государственный представитель должен подписаться из одного только уважения к докладчику? Мне, например, не достаточно пафосного библейского названия, чтобы Я смело под ним поставил свой автограф. Логичным было б этот «циркуляр» завизировать сначала у руководителя, и разослать как полагается. Другой вопрос: кто будет утверждать эти заповеди? Если подписать, то это уже станет ДОКУМЕНТОМ, публика-

ции которого не избежать. Любой росчерк должностного лица – это регистрация с вытекающими последствиями. Подсовывать что-то подобное под руку гуру, значит демонстрировать свою бестактность и нагоняй за такое неизбежен. В общем, подписывать никто не хочет, ознакомиться тоже.

Ситуация!

Не успели мы отряхнуться от урока писательства, пришло поручение о наполнении сайта правительства свежими анонсами, формирующими образ региона с позитивной стороны. Выглядит прямо как закрепление знаний в школе. Лекция → контрольная.

Эта обязанность о пропаганде об очковтирательстве, кстати, вменена нам соответствующим приказом. Там конкретные пункты и назначены ответственные с указанием фамилий имён и отчеств!

Любопытно, что, зная моё отношение ко всей этой пропаганде, почему-то задания такого толка отдаются на исполнение именно мне. Руководство заботится, чтобы раздражение не стихало. Человек должен перековаться, сломаться через преодоление себя, или ему тут не место. Всю подготовку ненавистного политвранья как по спецуказанию замкнули на мне, и делается это осознанно.

После сказки о позитивности регион-саде, в связи думскими выборами, на очередь встал проект послания губернатора. По классической схеме, терзаний о том, кто будет этим заниматься – не возникло.

Пора было отбrehиваться от этой неприятной поруки. Надоело, устал, противно... К тому же, на момент происходящего Я вошёл в перечень опостылевших сотрудников. Ублажать кого-то там своей лояльностью уже переставало иметь смысл. В пору было вертеть хвостом и искать запасные аэродромы. В свете событий, обречённость добавила смелости, захотелось покривляться.

Сама оперативка имела такое содержание:

подготовить материал к очередному посланию!

Главное обстоятельство – беспрецедентный дефицит времени, вызванный особенностями политического календаря (вероятно, изящная формулировка про календарь взята из их спецязыка). Поэтому – никаких традиционных «талмудов» и многостраничных писем! Короткие справки от профильных департаментов по следующим позициям:

1.Очень краткое перечисление самых крупных достижений области – в горизонте десятилетия;

2.Примеры наших продвижений за этот год во всевозможных рейтингах и индексах развития;

3.Чего мы достигли за этот год, что из намеченного исполнили (с конкретикой)? Где и в чем добились даже большего, чем предполагали, кто обеспечил эти успехи и прорывы (желательно обозначить персоны)? Регион входит в когорту наиболее привлекательных в стране! (проверить факт и подобрать что-то подобное). Медицина – впервые в мире оперативное лечение эпилепсии (?); спорт – превращение в мировую столицу биатлона 2150 года; грамотность – триумф молодежи в интеллектуальных конкурсах)... Вспоминаем случаи, когда область характеризовалась как «лучшее место для жизни», подкрепляем взгляды реальных людей сопутствующими разумными доводами и положительной статистикой... Приводим наиболее яркие итоги последнего года в экономике, не забываем про социальный и духовный рост. Что еще?

4.Что нам не удалось – и почему? Кто несет ответственность за эти недоработки (примеры, в том числе опять же персональные);

5.Каковы наши ближайшие цели в сферах занятости, образования и здравоохранения. Как проявляется забота о детстве и старости? Что мы намерены сделать в части диверсификации экономики, развития инфраструктуры, а главное – по наращиванию предприниматель-

ской активности коренных жителей? Как будем совершенствовать инвестиционный климат, привлекать новые потоки бюджетных и частных инвестиций?

Подпись: пресс-атташе

Поскольку запрос шёл в рабочем порядке, по электронной почте, ниже следовала автоматическая подпись: Ваш, Дю Прэ (с указанием номера телефона).

В какой бы форме любому из нас не поступали вопросы, во избежание неприятностей, связанных с дезинформацией, ответы сотрудников должны проходить по официальному руслу, через руководство и юристов.

Я поступил по инструкции: подготовил комментарии, подгрузил их вместе с вопросами официальную программу нашего межведомственного документооборота и отправил. Текст был таким:

По всем этим пунктам красивого доложить мне нечего, кроме лжи.

Традиционные талмуды готовили, да. Длинные справки – основное требование при подготовке информации. Мы отображаем всегда как можно шире, за весь белый свет и его окрестности, чтобы дополнительных вопросов (упаси боже) – не возникало. Переделки справок осуществляется в среднем 9000 раз. В этом мы достигли совершенства и добились даже большего, чем предполагали. Нигде в стране, нет, даже во всём мире такого не бывает. Достижение непременно следует поставить в заслуги.

«Горизонт десятилетия» не прославился ничем особым, кроме того, что всё тот же губернатор стал чувствовать себя ещё увереннее. Он замечательнее всех нас вместе взятых знает, что сказать законотворцам и как правильно послать. Депутатам следует выразить всеобщую благодарность за сохранение прежнего состава т.к. именно он обеспечил 100% явку армии прислужников на голосование.

В связи с тем, что состав Думы остался прежним, то пламенную речь надо оставить тоже нетронутой.

О показателях:

Здесь мы потрудились, да.

Путём подтасовок в статистике нужные показатели достигаются. На бумаге у нас всё только улучшается и растёт, правда продолжать в том же духе ото дня ко дню всё сложнее. Очевидность не желает тонуть в наших отчётах. Но мы стараемся, надо признать. Стремимся! как это называется в публикациях.

Реальное состояние отрасли ухудшалось настолько стремительно, что пришлось корректировать методики вычисления основных показателей на самом высшем государственном уровне. Только благодаря истинному профессионализму служащих ситуация не вышла из-под контроля. Сыграв на молчании столичных чинов, они виртуозно доработали формулу подсчёта, и всё же обеспечили требуемый прирост протяжённости дорог в нормативном состоянии. Спасибо коллегам из министерства за мудрое безмолвие.

Позитивный материал – это всегда чистейшая правда. Согласно доведённым до нас 7 заповедям чиновника, мы освещали положение дел только с выгодной стороны и основывались на удобных эпизодах. Красивая статистика для нас источник неоспоримых упрямых фактов, а отдельные неудобные данные оттуда – «всего лишь статистика». Если у человека прицельно подсветить только голову, то увечий прочих частей тела у него как будто бы и не будет.

Что нам не удалось?

– А что из конкретного мы ставили целью?

Кто виноват?

– *Персональную ответственность за недостигнутые высоты предлагается вменить Богушеву, т.к. он всё равно уже причастен ко всем грехам. Частично промахи можно списать на замесИтеля (удачная опечатка) губернатора по физкультуре, который уволился на прошлой неделе и поэтому «сраму не имеет»⁷.*

Про предпринимательскую активность в регионе говорить не стоит, потому что заявления такого рода дискредитируют известных лиц из госаппарата, в собственности которых сосредоточился весь бизнес области.

→ исполнено → прошу согласовать

Далеко мой пост не ушёл, начались устные переубеждения. Предложили даже своими ножками нести эту «пачкотню» (как они её назвали) наверх, и самостоятельно там объясняться за своё творчество, но видя мой настрой – передумали. Решено было не замечать «шалость» и написать официальную часть без моего участия. Поступок просто умолчали. Что поразительно, руководство в этом поступке Я очень даже понимаю. Вынести вопрос повыше (донести на подчиненного) – равносильно постановки себя под угрозу: укажут на утерю бдительности и контроля над своими подчинёнными. Развели балаган, скажут... Вразумить работника в неформальной беседе как-то не с руки, ибо написано то, с чем трудно не согласиться и, тем более опровергнуть. Спрашивая «по-свойски» можно услышать и ответ «по-свойски». Наказывать реально – тоже не реально: официальные корни поручения отсутствуют, а значит оснований для наказания тоже нет.

Меня слегка пожурили за отказ от работы. Непосредственный начальник сказал, что его настораживает моё отношение к своим обязанностям, и предупредил:

– С этого дня отбивайся сам...

Из всего что подготовила в панике на 30 листах наша «орда», обер-политик в своей речи использовал: «Наши успехи неоспоримы! Построено множество мостов и дорог...»

И всё.

⁷ Вероятно, имеется в виду выражение «Мёртвые сраму не имут», которое приписывают киевскому князю Святославу. – ред.

БЕСКОНЕЧНЫЕ ПЕРЕДЕЛКИ ОТ СТРАХА

Правки

*Глушитель на мопеде не должен душить мотор
/Григорий Вагнер/*

В былые времена существовала цензура. Нормальные писатели стонали от неё так, что родился отдельный жанр литературы. Этот особый вид идейного надзора не позволял авторам выразить свои мысли, донести до читателя подходящие оттенки и слова. Писатели загонялись трусливыми чиновниками недалёкого ума в шаблоны. Есть история, как при переводе текста для советских граждан, пострадала дедукция самого шерлок-холмса. По политическим соображениям, подкорректировали его размышления о внешности dr.Ватсона:

– У Джона военная выправка, загар на руках только до рукавов, психосоматическая хромота, – значит, побывал на войне и т.д., пока не вывел, что тот воевал в Афганистане.

В отформатированной версии Афганистан выпал, а Холмс оказался не таким точным в отличие от оригинала: получилось, что Джон воевал В КАКОЙ-ТО ВОСТЧНОЙ СТРАНЕ, и всё на этом. Поправка цензора уменьшила проницательность сыщика, принизила его индивидуальные способности. Ладно хоть скрипка, под которую медитировал персонаж, не посчиталась буржуйским инструментом, так бы её наверняка заменили на варган или бубен.

Между тем, цензура по сей день существует в государственных органах власти. Она спутывает по швам не хуже, чем прежде. Гласность – это миф!

Не каждый поймёт, что значит писать под пристальным наблюдением (а именно в писанине наш труд!). Карандаш иной раз приходится тяжелее пудового молота. Попробуйте сочинить что-то на свободную тему хотя бы для своего знакомого или близкого, например, и подержать при этом в голове мысль, что всё написанное будет прочтено множеством раз неизвестно кем, высмеяно и подвержено критике. Слагать слова в строки и учитывать при том чужие мнения – не просто, а если ещё согласующим свойственно невежество да опасливость, то вообще беда – не вытянуть репку...

Есть один философский немой м/ф от хорватской киностудии об умных и глупых людях. Сюжет заключается в шагающем мальчике, который своей легкой подтанцовывающей походкой раздражает встречаемых. На пути ему попадаются всякие «дефектные», которые, несмотря на свои сильные изъяны при ходьбе, считают своим долгом научить паренька ходить «правильно». Постепенно главный персонаж запутывается в рекомендациях, получается что-то нелепое, а движения становятся взаимоисключающими.

У нас здесь тоже исправляют – с огоньком и пристрастием... С учётом всех пожеланий на выходе имеем такое (!), что его людям показать стыдно. Самому не всегда понятно написанное. Чтобы угодить на общий вкус, надо себя «безобразить» как в том мультике.

Особенно страшно писать наверх, например – губернатору (а туда мы всегда только пишем!). Даже коротенькая трёхстрочная просьба к губернатору о продлении сроков его поручения по объективной причине переделывается как минимум 4 раза. Можно просрочить сам документ, пока будешь согласовывать формулировку о переносе даты. В поисках Истинного Абсолюта меняем ударения и акценты, переставляем слова местами, комбинируем шрифты и тональность печати – что угодно – у страха глаза велики! Вдруг Его Светлость посчитает материал «маловыразительным» (как говорит пресс-атташе) или наоборот слишком заумным, это ж приведёт к слому карьеры... Только из-за написания цифры «8 000» может возникнуть 3

версии: буквами, цифрами или через слово «тысяч» – прописью. Кстати, само «тысяч» тоже можно написать по-разному. У идиотов всегда предостаточно работы.

То, что не одобрено возвращается на доработку из очередной приёмной с малоразборчивыми почеркушками, иногда прикладывается записочка: «Верно, но помягчЭ» или «этим же слогом, но о другом...». А у вас есть такое же, только с перламутровыми пуговицами?⁸

Вот составляет, например, обычный служащий свой заурядный текст, каких сотни-тысячи. Пусть он будет информацией в Счётную палату, скажем. В подобном случае документ проходит как минимум через 8 согласующих, в том числе юридическую службу. Исполнитель не должен «ляпнуть» ничего лишнего, ибо он – лицо сугубо административное и действует под флагом всей бюрократии. Его текст требует безопасной формы для всей структуры в целом. Даже если работник тысячекратно не доволен тем, что получается из его «доброе прекрасного» – он всё равно обязан уступать, прислушиваться, и что хуже всего, указывать под этим своё авторство. Визирующие вносят коррективы и упрямо принуждают гнать ересь, а сами как бы в тени. На официальном государственном бланке редакторские звенья выпадают, закрепляются только подписывающий и составитель. Ни один из корректоров не обозначился в книге о Холмсе – весь груз ответственности перед читателем лёг на писателя. Остаётся быть покорным и отвечать за бред-бред, либо отстаивать каждую строчку и мысль, вступая в клинч.

Когда-то Я отработывал служебную бумагу на имя его сиятельства о том, что в перспективном животноводческом районе для сельскохозяйственных нужд неплохо бы достроить кусочек дороги, протяженностью 1 км. Материал разросся до 40 листов, а то, что вышло после дооолгих исправлений и сокращений не могло не удручать:

«Сообщаю, что наблюдается таянье снега (!) /далее шли нечитаемые ссылки на нормативы/ ...в целях обеспечения населения области молочной продукцией (!), прошу выделить средства на дорогу».

Вот такое творчество большой эмоциональной силы.

Один шведский топ-менеджер имел серьёзную амбицию и даже задачу от руководства страны о вытягивании из ужасного болота отечественного автопрома. Успехи его семилетки оказались спорными по мнению экспертов (куда ж без них?), но одним из главных достижений – которое отметил сам автор реформ – является **снижение количества уровней менеджмента с девяти до пяти**. Вдуматься только: от девяти ступеней менеджмента получалось что-то малопригодное для пользования (имеется в виду автомобиль), а у нас этих уровней только внутри департамента не меньше восьми. И чем выше ярус решения, тем длиннее цепочка.

При подобной организации процесса результат «труда» чинуши никак не может стать лучше Народного автомобиля.

Механизм работы хоть и отлажен, но работает он как-то убого, словно в этом и есть его главная суть. Письма наверх – а это и есть главная наша функция – на каждом этапе рассмотрения сначала обрастают излишними подробностями, а потом урезаются до протокольной лаконичности. Каждый контролирующий, ставя подпись, для начала любопытствует как можно больше, а после уже по-своему сокращает и наводит красоту в его понимании. Маршруты документов долгие: начальник отдела – начальник управления – заместитель по направлению деятельности – внутренние юристы – руководитель госоргана – правовое ведомство (смежный департамент) – помощник замгубернатора – сам заместитель и т.д. и т.п.; на каждой стадии непростого цикла надо пояснять «что-почём». Долгие объяснения – куда без них...

Находящийся сверху в любой момент может позвонить своему нижнему и задавать кучу разных вопросов, поэтому подписант на всяккий случай осведомляется темой со всех сторон, чтобы не попасть в просак перед вышестоящим в иерархии. Всегда нужно ещё чуть-

⁸ х/ф *Бриллиантовая рука*

чуть развернуть пару абзацев и вставить 5 центов. Объём информации как меха у баяна раздувается и сужается, пока все не начитаются.

Пытался как-то для подписания делать основную лаконичную заготовку и прикладывать к ней сопроводительную записку, отражающую всю суть темы на 168%, но задумка не прижилась. Дело в том, что это как с инструкцией к телевизору: сначала включу, натыкаю, напсихуюсь, а уж потом сяду за чтение талмудов. Традиции непоколебимы.

Как бы автор не старался и не оттачивал своё «мастерство», ему придётся подыгрывать самодурству, – здесь без этого никак. Процедура повторяется изо дня в день, от письма к письму, от дела к делу. Простая на первый взгляд никчёмная никчёмность идёт болезненно, тревожно и кое-как. Жерновки будут тереть пока не получится то, что в народе называют отпиской.

Это механизм.

Скрип, скрип, скрип...

Переделки

*Муха будет биться об стекло, пока не устанет или не угодит в форточку. Рефлекс...
/проф. С.Савельев/*

Вследствие вмешательства каких-то невиданных сил у нашего транспортного управления резко возникла необходимость включения одного назойливого объекта в план дорожных работ. Флажок с его обозначением на офисной карте уже выгорел в ожидании своей очереди, и вот его час пробил.

В делах, касающихся добавления позиций в план, очень много премудростей и тонкостей. В качестве вводных данных надо понимать: под какие критерии попадают мероприятия и их реализовать удобнее с позиции юриспруденции; из какого источника будем его финансировать и по какой программе. Деньги могут быть федеральные, областные или из дорожного фонда ещё. Объект можно включить в отдельный перечень мероприятий по формированию инвестиционной привлекательности региона; можно разыграть в рамках развития сельской местности, а можно притянуть за уши в агломерацию. Можно, можно, можно... Кроме всего прочего, важно понимать, какой из статусов будет присвоен дорожным работам: ремонт или стройка? Первый вариант легче, но есть опасность не вписаться по законности работ. Второй вариант мучительный: он надёжен с позиции инженера, но отвратителен с позиции финансиста. Пока будет идти проектирование и землеотвод, сменяются приоритеты и ухудшится экономическая ситуация, а объект по классической схеме опять осядет в ящике стола. К тому же каждая стройка – это поход к губернатору с объяснениями «что и почему». Контакт с ним сулит встречные вопросы, опасность и стресс.

Задача, с которой началась возня, была обозначена мне чётко, но без подробностей: «Включить объект в план дорожных работ». Указания о том куда и как включать остались за кадром; не известны даже причины смены декораций, – и это плохо. Значит, надо будет всё отрабатывать самостоятельно и как можно шире; потребуется собрать весь возможный материал и подготовить предложения; опять куча вариантов с «за» и «против». Решение здесь никто сам не примет: не найдётся того чиновника, который запросто что-то заменит в уже имеющемся списке объектов под свою ответственность; все будут ёрзать и гонять меня с исправлениями. Предстоит гигантская аналитическая работа, которая послужит опорой при защите вариантов наверху. Казалось бы, высшее начальство сказала, остаётся только податливо включить и не мудрить, так нет, нельзя, потому что губернатор не в курсе всех нюансов – он выбрал направление, а дальше уже соображайте сами.

Это как резолюция начальника почты: «Обеспечьте Печкина велосипедом». В ней же не указано как действовать: купить? своровать? выменять? или со склада выдать в конце концов?.. Да и не знает начальник, есть ли велосипед в запасах. Какой из велосипедов нужен, он тоже не очень-то разбирается. Широкое поле для творчества.

В моём случае это работа на пару недель вялотекущей рутины. Усердно собрал всё что мог, нарисовал, обсчитал и разложил по блюдечкам. Первая удача: промежуточными начальниками (что повыше меня, но ниже «его») – путь одобрен. Теперь Я точно знаю, какие из вариантов будут главными и что следует разворачивать ещё шире.

Чтобы исполнить поставленную задачу, положено написать наверх письмо (о проделанной работе мы всегда отчитываемся письменно и в срок). Предполагается коротенький лёгкий текст с предложением конкретных действий и описанием тонкостей маршрута. Письма из этого разряда для нас имеют свою особенность: высокие должностные лица читают их по диагонали и лишние закорючки не любят. В информации всё должно быть интуитивно понятно даже при чтении с середины, и даже задом-наперед. При скором пробеге глазами не должно возникать ни

единого желания вернуться к какому-то трудному моменту для переосмысления. Мозг не должен греться. Объем, как правило, – не более 10 строк с простейшей конструкцией; стоимость ставится внизу вместо заключения. Губернатор запомнит вводную часть «название» и цифру о деньгах в конце. К письму прикладывается цветная картинка и табличка, – это стандартный набор. Лишнее здесь – лишнее. Документы складываются в определенной очередности и не дай бог ему там запутаться. Даже поворот страниц определен и место скрепления.

Делаю. Счастлив.

Финальные хлопоты всегда приятны. Распечатывать и скреплять материалы – как отдавать на подпись зачётную книжку в институте.

Пакет готов; отпечатан на специальной ярко-белой бумаге с использованием принтера, который не оставляет ряби. Несу директору Департамента и получаю от него надпись в верхнем правом углу: «Надо заполнять весь раздел». Он имел в виду то, чего Я так боялся изначально. Из-за одной дороги он не собирается подставляться под пули и отвлекать Его Святейшество. Теперь будет выжидаться удобный момент, а пока он не наступит, мой трактат в судорожном страхе перечитается бесконечное количество раз и внесётся соответствующее количество корректив. Ничего хорошего из того не получится – до тех пор, пока решение не будет принято, бумаги будут перерабатываться, перерабатываться и перерабатываться.

Перфекционизм от страха испортил всю задумку, а вместе с ней и моё настроение.

Говорят, что Сергей Королёв (хвала ему) когда-то подписал только 38й вариант стартового стола на Байконуре, и это считалось о-го-го какой щепетильностью... Требовательное отношение к делу во истину поражало его дерзновенных современников. Но только вот по сегодняшним меркам такого количества попыток несколько маловато, Я считаю, хоть жить стало и безусловно лучше.

В моей истории, в отличие от эпизодов великой советской космонавтики, требовалось лишь предание ничтожному по своей сути процессу некой Системности, и для того задачу мне как никогда расширили. В идеале, на работу уйдёт 3-4 месяца, если всё сложится удачно. Надо расписать имеющиеся остатки денег в программе и подогнать под них еще 7 или 8 аналогичных объектов с кучей вариантов их реализации и обоснований. С одной-то экспликацией накануне утомился, а теперь количество неизвестных в уравнении возросло. К тому же сами финансовые лимиты наверняка изменятся, пока Я буду тут волокиту разводить.

О, боже!

Поди ещё и поторапливать станут. А как же?

Возвращаюсь к себе, чтобы сообщить коллегам, чем нам всем на самом деле нужно заниматься. Кстати, неплохо ещё запросить официальные мнения смежников из сферы агропромышленного комплекса, проработать детали с Департаментом инвестиционной политики и муниципалитетами. Набивший оскомину Системный подход требует согласованных и последовательных действий.

Четыре месяца изо дня в день наводил ужас.

Выбирали, проговаривали детали, подгоняли фрагменты... Несем получившийся пакет на 18 листах директору для подписи. Всё хорошо на этот раз – этап пройден. Галаев справился и готов разгребать то, что накопилось за период его увлеченности.

Он доволен своей работой, а вернее её завершением. На этой стадии ему ещё не известно, что будет впереди, но в глубине души он готов к худшему.

Через неделю родной пакет вернулся. На нем появилась записочка со знакомым корявым почерком: «Приложить пакет к вопросу по ГЧП»...

Это означает, что шеф весь материал носил в портфеле до удобного случая, который так и не наступил. Никто в правительстве области не поинтересовался у него о дорожной деятельности и не возникло возможности спросить к слову.

Пока делали громоздкий пакет по ГЧП (расшифровка не имеет значения) чтобы прикрититься к нему, произошло настоящее ЧП: у нас в области начался обильный паводок. Всем стало как-то не до моих объектов, потребовалась срочная переброска средств на «ликвидацию последствий». Ну а дальше нет смысла рассказывать.

На следующий год ещё раз попробуем...

Ми

†

рополи

†

Официально, у нас светское государство. Удивительно.

Власть в таких государствах не должна иметь никакого отношения к конфессиям; законодательство не должно придерживаться религиозных норм, а государственные решения не могут иметь религиозного обоснования – только здравый смысл.

Однажды к нашему губернатору за помощью обратился Никодим – ми†рополи† губернский (в миру – Дмитрий!). От таких просто так не открестишься.

Для меня, человека неоперекрещённого сразу стало непонятно, как правильно вести переписку с этим «учреждением». Дело, как всегда, заключается не только в официальной его сути, а ещё в негласных правилах, которые лучше знать, чтоб не нарваться на взбучку.

Церковное письмо, а вроде как, обычное: на официальном бланке с «гербами», на формате А4, без характерной завёртки в свиток. Текст напечатан на такой же дьявольской штучке как у меня по утверждённому правительством области стандарту. Даже шрифт выбран по местному нормативу – Arial с высотой 13 (чур меня). Текст ми†рополи†ского письма без всяких там старославянских словечек и формулировок, – всё по существу. В самом низу, как и принято в деловой переписке, указан исполнитель «дьяк – Арсений», стоит приписка от руки – «С уважением».

Всю голову сломал, чтобы разобраться с таким нестандартным обращением.

Для госслужащего, имеющего над собой столп из замороженных согласующих, есть несколько вариантов оформления ответа:

1. В поле «адресат»⁹ пишем: ми†рополи†у Никодиму, а ниже в строке «обращение» – Уважаемый Дмитрий Юрьевич! (восклицательный знак обязательно).

Как-то не симметрично получается: к Никодиму обращаемся Дмитрий, – будут вопросы...

2. В поле «адресат» пишем: ми†рополи†у Никодиму и в строке «обращение» так же – Уважаемый Никодим! (без отчества, но восклицательный знак обязательно).

Получается как Уважаемый мэр или Уважаемый губернатор... Можно подумать, к должности обращаешься или креслу, а не к человеку. Вроде не принято так?...

3. В поле «адресат» пишем: ми†рополи†у Никодиму, а ниже в строке «обращение» – Ваше Высокоприсвященство! (восклицательный знак обязательно). Как-то не по-губернаторски и не по-нашенски, ага;

4. Можно писать Никодим, а в скобочках Дмитрий. Как-то универсально, но не почтительно. Губернатор может не согласиться и громко наругать нас всех. Нужно быть предусмотрительнее. Соберись уже!...

5. Ответить как рядовому заявителю – Дмитрию такому-то и далее Уважаемый Дмитрий Юрьевич! (восклицательный знак обязательно). Имеется заковырка: Согласно входящему регистрационному шифру, его письмо не может расцениваться в категории обращений граждан! Ми†рополи† – должностное лицо, и должен быть соответствующе обозначен. Вариант не отпадает, но потребует защиты при дальнейшем продвижении... Отпадает в общем.

⁹ Место для заполнения реквизита получателя. Располагают в правом верхнем углу документа

От этих размышлений мне стало немного не по себе. Незначительный виток в сторону вытолкнул конторщика из русла и посеял в нём недоумение.

Тема не хайповая, она не прописана в ГОСТах и не обсуждалась на просторах интернета. Хочется того, или нет, вынужден обратиться к коллегам. Надо выяснить, была ли когда-то и где-то до меня подобная переписка Ми†рополи†а с губернатором. Как оформляли до меня?

У кого бы узнать?

Куда позвонить и спросить такое?

Мы же в структуре власти, где каждый только и думает, как бы ему отвязаться от назойливого коллеги. Даже если представиться самим ми†рополи†ом, умоляют со своими переадресациями по всем кругам ада. К тому же вопрос ещё и сформулировать нужно правильно, иначе язык сотрёшь, спрашивая каждого не причастного клерка.

Как и предполагалось, время неумолимо уходило, дела копились, а поддержкой в таком ничтожном пустяке и не пахло. Даже помощники губернатора не припомнили таких писем – всем плевать, видимо, – пиши, а мы будем придирааться, и спрашивать: «Почему ты сделал именно так?»

Пойдём другим путём...

А губернатор человек верующий, нет?

Светофоры на Обходе

*Ты пока копай, а я пойду уточню
где нужно копать
/Армейский принцип/*

Одному высокопоставленному чиновнику стало неприятно ездить домой через пробки. Своим подчинённым он поручил оптимизировать транспортные потоки и не тянуть кота за хвост. Под этой задачей понималось уменьшение нагрузки на конкретные городские магистрали по пути ежедневного следования его картежа. Эпоха мигалок плавно уходила в прошлое.

За работу Я взялся с превеликой неохотой. Это не есть хорошее начинание доброго вечного. Сознавал, что миссия невыполнима, и что пыхтеть над ней придётся долго да всерьёз. Пока погонщики не устанут – не отделаться. Сразу представил себе горы справок, предложений и расчётов с раскрытием темы на 146%. Надо просчитать каждый из возможных способов решения задачи в свете мировых тенденций, а также с учётом концепции Дао. Всё должно быть простым и наглядным как детский комикс и в то же время всеохватывающим. Окончательных и точных указаний не спущено сверху, поэтому поле деятельности очень велико; нужно урботаться, впихнуть невпихуемое и описать неопишное. Парадокс: вся эта свора угодников так и не научилась определять пожелания своего преподобного. Своего мнения нет, и угадать не в силах.

Три месяца Я изо дня в день творил и переделывал. Подход к делу меняли в зависимости от лунных фаз и чётности/нечётности дней. Какие только варианты не рассматривались: от полного закрытия улиц до игры на регулировках светофоров. С абсолютной серьёзностью на лицах прорабатывался даже самый абсурдный абсурд: дескать, чтобы пересечь дорогу, водитель должен выйти и нажать специальную кнопку на столбе в коробочке. Позорно-то как, господа

Вопрос о ходе исполнения поручения мог быть задан в любой момент, посему красота в слайдах оттачивалась непрерывно. Менялись идеи, цвета линий, размеры схем и их очерёдность. По соображениям эстетики в список запретов попали красный и фиолетовый колеры, а ещё несколько шрифтов. Это как перед экзаменом у прилежной ученицы: ещё чуть-чуть, вот здесь надо уточнить, а вот здесь... А вот тут? Оооо! А где же данные о высоте забора напротив Филармонии!? Как же так?! Выяснить! СРОЧНО.

Вместе со мной трудились смежники, отвечающие за транспорт, дороги и БДД. В «дело» было вовлечено 17,5 человек, принимали участие даже представители Полиции и Речного пароходства.

Материал представлял собой 15-40 листов, но он кардинально корректировался при каждой смене курса. Обычно, материалы такого рода состоят из «лицевой» справки с несколькими тезисами и весёлых картинок со всякими расчётами. Второе является как бы приложением для ответов на вопросы.

Дело в том, что в госорганах действия идут не от общего изучения проблемы к выводу (решению), а наоборот, от спонтанной готовой идеи высшего руководства к её обоснованию. Именно из-за отсутствия готового решения каждый день у меня было новое «исследование». Каждый раскладку темы на составляющие порождал свежие мысли и 100 тысяч «почему».

В один прекрасный день директор нашего Департамента устал от комбинаций и сдался. Он решил собрать в своём переговорном зале как можно больше должностных лиц и документом закрепить «коллективное разумное». Оттягивание решения становилось уже небезопасным. К тому же приближалась очередная годовщина инаугурации его сиятельства. По случаю

такого праздника (а это безусловный праздник для всех нас – беда тому, кто не радуется) нужно сделать хоть что-то. Взбучку за проволочки в ответ на поздравления никто не отменял.

Помнится, было приглашено «как можно больше» представителей из смежных ведомств: размазать ответственность всегда лучше как можно шире.

От большой концентрации важных персон, вступительное слово никак не хотело сойти с уст «начинающего» скромняги, но оно как никогда требовалось. Побормотав что-то непонятное под нос, потянув галстук и опёршись локтями в стол, он всё же начал:

– Губернатор сказал, хм (в кулак), поручил... поручил разобраться с заторами на улицах от резиденции до здания Правительства...

Немного подумав, добавил:

– Мы все опытные... [пауза с чуть заметными киваниями] и должны понимать, для чего я собрал такой «штаб» (произнесено с оттенками некоего оправдания).

В этом месте он развёл руками, как дед Панас.

«Молодец, донёс как есть – не расплескал», – хотелось мне подтрунить.

Отсылки к «авторитету» было для всех достаточно. Участники «процесса» поняли друг друга на каком-то ином уровне безумия, хоть и оставались внешне холодными и безразличными как рыбы. Возражения были исключены. Если губернатор сказал, то невесть-какие основания уже и не требуются, а если они и понадобятся выскочкам-юристам, то следует постараться их найти самостоятельно и подвести под готовый итог.

Руководство настолько стало номинальным, что готово на перегонки подписывать что угодно, даже если это «что угодно» будет планом сноса микрорайона вместе с родным домом – только дай команду.

Первым слово взял заместитель главы города. Мужик он властный и авторитетный – всё в нём цельно, и даже скандальные сущности пасуют перед ним. Хотя, какая разница? Зачем-то говорил он много и громко, будто речь его на что-то могла повлиять, а тон был таким, как если б тема касалась бомбардировки какой-нибудь Варшавы или захвата Парижа.

Дальше был обмен мнениями (как пишем в протоколе) – долгая и нудная процедура бестолковых бесед. Происходящее было мне не интересно, в голове переливались бесформенные мысли из одного полушария в другое. Пока присутствовал, неспешно нарисовал в своём толстом ежедневнике ушастый Запорожец. У соседей он вызвал более живое внимание, чем тема дня. Даже повеяло какой-то человечинкой. Значит они ещё не мертвецы...

От трёхчасовых «прений» родился ряд решений под протокол. Я, как предусмотрительный Лёша, вёл аудиозапись, чтобы ничего не напутать и правильно учесть высказанные мысли. Оставалось только определить сроки. За датами шеф обернулся на стену где под огромным портретом президента в дубовой раме был криво приклеен на скотч небольшой рекламный календарик. Будучи очень сосредоточенным, он замер. Весь стол участников интуитивно последовал его примеру. Выглядело это так, будто наш директор что-то согласовывает с образом. Процессия между тем двигалась к завершению, – и это очень радовало. Меня уже не пугало предстоящее недовольство граждан и собственные неудобства, как рядового водителя.

– Примите уже хоть что-то, – думал про себя, – сколько можно?

Состояние, когда уже плевать на исход дела – «только отвяжитесь» – посещают меня всё чаще. Как в школе – быстрее бы перемена.

И вот оно чудо! Успеваю, пока не передумали, со всей своей деловитостью записывать:

– запретить левые повороты,

– поменять отменить маршрут автобуса,

– перенастроить два светофора...

Если не сделать акцент в этой части совещания, то есть риск, что всё пойдёт по пятому кругу.

К счастью, всё завершилось благополучно. Под моим авторством документ обрёл жизнь. Все пункты протокола поддержаны каждым из членов комиссии, обозначены реальные сроки реализации, а у меня хорошее настроение.

Впереди оставались только механические формальности.

О подобных событиях закон обязывает информировать общественность за 20 календарных дней. Размещаю это всё в СМИ, как положено. Плавно начинаем реализовывать протокол. Дорожники даже приступили к замене направляющих знаков. Люди пишут в интернетах гневные комментарии на этот пренеприятный анонс, мы им врём про безопасность дорожного движения, всё идёт как надо, и тут – упс...

Зазвонил телефон и сообщил, что мы все дураки и разогнать нас мало – «кто ж так строит?!»¹⁰. Как оказалось, подразумевались и ожидалось более радикальные действия.

О, боже!

По второму кругу?

Как включить задний ход? Как это всё убирать из публикаций?

Что объяснять населению?

И ещё... Угадайте, кого сделали крайним?

¹⁰ *х/ф Чародеи*

Обычный день

Самолёт летит, колёса стёрлись...

/частушка/

Рабочий день служащего состоит из пустых ненужных дел на 99,9%. Многие из нас заполняют безмерные таблицы пять на шесть метров и сопоставляют циферки; некоторым выпадает честь иметь дело с «творческой работой»: они готовят срочные письма и справки по какой-то теме, неизвестно зачем. Понять, кто чем занимается конкретно, и насколько каждая из задач объёмна, – сложно. Бюрократия есть вязкая материя без краёв, углов и размеров.

Чтобы структурировать нашу работу и хоть как-то отслеживать происходящее, был придуман электронный документооборот. Это прекрасный инструмент, являющийся своей целью хоть как-то навести порядок в рутине. По задумке умных людей, каждая задача органу власти должна поступать через первое лицо и дальше расписываться по исполнителям, проходя через промежуточных начальников. Каждое действие пошагово фиксируется, а любое хождение документов можно при желании отследить и найти тормоза. В идеале, в низ по иерархии спускается письмо, жалоба или запрос с прикрепленной записочкой: «подготовить», «организовать», «решить» или «рассмотреть», а обратно возвращается отработанный ответ заявителю (инициатору) с одобрительными визами «согласовано». От руководителя к подчиненному – указания, обратно – готовый проект ответа в адрес обратившегося. Система предусматривает работу по принципу вопрос – ответ, фактически всё обстоит чуть-чуть иначе.

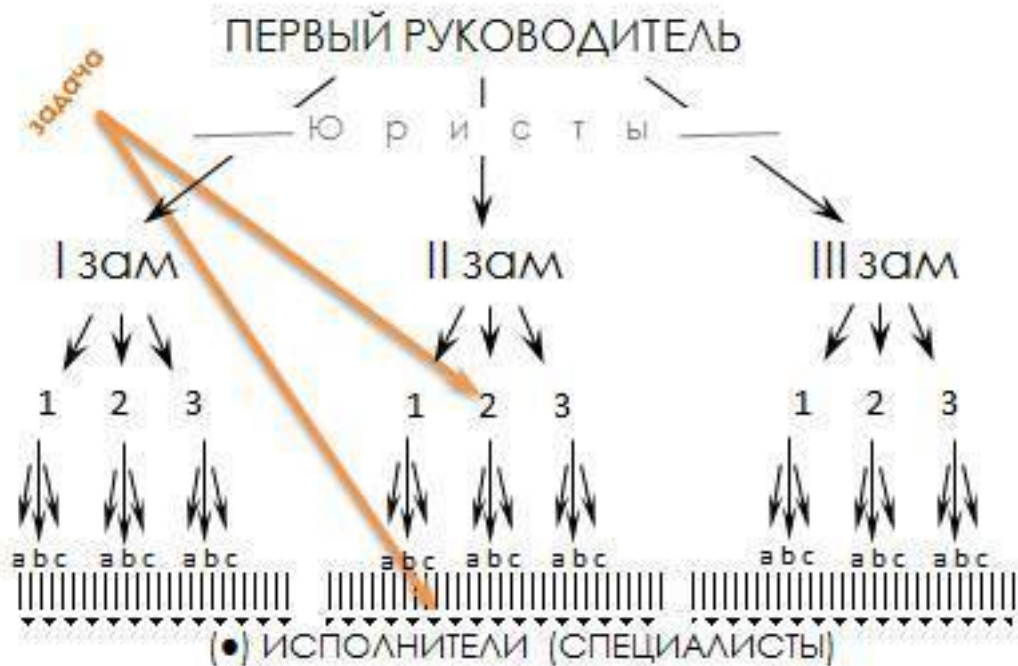
Начальники обычно заняты совещанием, а бестолковая, и именно от того срочная работа, начинает лезть в обход них, «на опережение». Если запускать вопрос по маршруту шеф → меньше шеф → еще меньше шеф → ... → исполнитель, он будет идти как минимум один день вниз, и не известно сколько дней обратно – вверх.

Чтобы обойти систему и не убиваться, был найден выход – решать вопросы в рабочем порядке (по телефону, по почте и как угодно). Это стало чуть ли не панацеей для бестолкового руководства.

Методика «порешаем» выработалась для упрощения механизма, являющегося самим по себе «упрощением». Сначала, для эффективного управления, был внедрён электронный документооборот, предполагающий чёткую структуру, а потом основную работу пустили мимо него. Боязливому и несамостоятельному руководству сложно осуществлять последовательное управление в официальном пространстве, гораздо удобнее поручить кому-то что-то, и пусть этот «кто-то» сам штурмует систему.

Такая организация труда напоминает завод, на котором токари, сборщики, электрики и сварщики договариваются между собой без участия мастера или начальника цеха, а руководитель или даже заказчик, не вникая в суть процесса, хватается за рукав любого, кто поближе и даёт персональное задание по изготовлению какого-то крупного узла. Для исполнения поручения работник сам бегаёт и договаривается со всеми остальными как хочет, отложив свою основную системную работу на конвейере.

Кроме прямых поручений от начальников родного учреждения первому попавшему под руку, задания или настоятельные просьбы могут приходиться сбоку (от министерств, Полиции, Аппарата президента, губернатора, Думы и т.д.). Упрощённая схема выглядит так:

Когда поручение дано по почте (сбоку) – исполнение его осуществляется по более вычурным схемам. Откуда бы задача не прилетела и какой бы она срочной не была, обратный ход возможен только через всю официальную цепочку согласующих, а иногда еще через юридическую службу и канцелярию. Ответ идет от имени органа власти, а не доброго человека, поэтому все режимы подстраховки – «вкл.».

Задача (пусть это будет «просьбой» подготовить справку о сельском хозяйстве по случаю визита министра) направляется для отработки по кратчайшему пути: исполнителю и в копии кому-либо из промежуточных начальников. Обратный ход уже подготовленной информации выглядит так: исполнитель → начальник «а» (stop machine); исполнитель → начальник «2» (stop machine); исполнитель → «II зам» (stop machine); исполнитель → руководитель.

На каждом этапе прохождения документа по цепочке его поджидает остановка, даже если замечания к нему отсутствуют. Ни один из промежуточных «согласующих» не перешлет сообщение об исполнении дальше вверх, чтобы не войти в роль соавтора и не разделить с ним ответственность. Исполнитель (мелкий конторщик) бежит со своим «творением» сам.

Дойдя с горем пополам до главного начальника, отшлифованная многими версия бумаженции под его рукой обычно претерпевает последнюю поправку – без этого не бывает – и весь маршрут от конца до начала иницируется заново, с разъяснениями каждому из согласующих причин повторной работы (возврата).

Если среднее руководство «толковое», а работа поставлена «правильно», то каждая задача лежит на совести только специалиста и выполняется под его юридическую ответственность. Серединка – это цензура, которая всячески ни при чём.

В известных мне органах власти работа поставлена именно так.

Прилетающая сбоку работа заполняет основную часть дня! Специалист, получивший такую задачу, редко может справиться с порученным делом в одиночку, потому что тема не ограничивается его познаниями и полномочиями. Каждый вопрос состоит из множества нюансов, которые требуют участия многих коллег бог весть откуда. Чтобы не расписываться в бессилии и не ночевать на работе, приходится каждый раз «вылезать из-под коряги» – как это принято сейчас называть – и дружить как можно шире. Если неофициально чем-то озадачили,

нужно продолжать затеянное дальше: по знакомству, по дружбе, без бумажки – порешаем, поговорим, разузнаем...

Может показаться, что это хорошо: сотрудничество, созидание и командный дух, но на самом деле это вовсе не так. Работа, которая выполняется «сбоку», она невидима для руководства, деятельность остаётся скрытой и на добровольных началах. Если тебе помогают, то и ты будь добр выручай в случае надобности. Сегодня Я срочно выполнил задачу шефа подключив «чужие руки» и без дополнительной бюрократии, а завтра меня также напрямую попросит мой сегодняшний добродетель. Партнерские отношения, печки-лавочки и всё такое...

Начальник не знает всего процесса, не видит реальную загруженность коллектива и всех обязательств своих подчиненных; он открывает программу электронного документооборота, автоматически вычисляет: у кого меньше всех официальных задач на ближайшее время, откидывает в уме льготников и со спокойной совестью поручает-поручает-поручает. Интересоваться по-человечески о занятости у самих работников – бессмысленно: каждый из нас расскажет такое, что душа заболит. Поэтому – только в приказном порядке, без церемоний.

В действительности, выбранный «незагруженный» работник, может оказаться фактически перегруженным на 3 дня вперед. Вероятно, он уже обслуживает прихоти других начальников и ещё помогает тушить пожары коллегам из смежного управления. Там, где нет учёта, начинается хаос. Взаимовыручка и простой подход только звучат красиво, а на деле они перетекают в мороку морочную с постоянными нежданчиками.

Кроме исполнительской сложности – на которую всем прицельно плюнуть – методика управления, основанная на индивидуальных поручениях, не вписывается в систему обязательного официального учёта деловых процессов. «Неучтёнка» хоть и разрастается как сорняки в огороде, но фиксируется только то, что было официально. Когда дело доходит до обоснования занятости сотрудника или распределения премий, учитывается только та часть работы, которая прошла через программу. Всё что выполнено в рабочем порядке остаётся за кадром и никому не интересно. Не зачтётся в отчёте лирика о том, что специалист $\frac{3}{4}$ времени бестолково плясал под дудку своего шефа и помогал товарищам разобраться с непролазной дремучестью. Дай показатели своей выработки, и не волнует.

Чтобы выжить в такой обстановке и не зашитья, люди хитрят кто как горазд. Речь идёт не об оптимизации своей работы, а об уклонении от неё. Хитрость здесь развита до неприличия. Изобретатель Джобс говорил, что работать нужно не 12 часов, а ГОЛОВОЙ. К сожалению для госслужбы это не верно. У нас, мандаринов, отсутствуют реальные показатели производительности труда, а те, которые есть, не отражают реальности, поэтому работать эффективно здесь крайне невыгодно. Задачи поступают по мере их выполнения, и вáляются они тому, кто их выполняет. Принцип: «сделай дело – гуляй смело» заменяется на: «сделал дело – не спеши отчитываться, иначе дадут другое дело». Отработал сегодня хорошо – завтра накидают поболее, а у нас оклад и почасовая! Даже если возник соблазн выслужится (бывает!) из-за возникшего честолюбия, лучше пересилить себя и уклонится – только так будет легче. Голова должна работать все 12 часов, но думать она должна никак не о повышении производительности труда. Как-то так получается.

Помню, однажды, меня родная мать спросила: «В чем заключается ваша работа?». Это оказался нелёгкий вопрос. Сложен он тем, что спрашивающий далёк от любой бюрократии и офисных баталий. Мы не выпускаем подшипники, не защищаем родину, не ловим преступников и не лечим людей; даже управлением или командованием это назвать нельзя. Как объяснить простым языком свой род занятий? Плоды труда большинства госслужащих не пощупать, не увидеть и не всегда запросто осмыслить, да и есть ли они вообще... Тогда Я, помню, с заминкой ответил, что являюсь администратором процесса (!) и расшифровал: пишу различные письма, готовлю справки, отчёты, заполняю таблицы и отвечаю на звонки. Её этот ответ устроил. Если бы она спросила меня, в статусе повыше, то ответить было б куда сложнее.

По мнению моего отца, мы тут все усиленно «ничего не делаем». Вот он-то знает, ага.

Пишу письмо

Как только вы принимаетесь делать какую-то работу, находится другая, которую надо сделать ещё раньше.

/Закон Мерфи/

Есть такая штука, как фотография рабочего дня. Это способ фиксации трудового процесса – если кто не знает – он используется для нормирования работы тех, чью бурную деятельность трудно измерить линейкой или посчитать. Наша бестолковщина иногда требует такого исследования: надо ж её хоть как-то фиксировать, хотя бы для себя, хотя б для соответствующих выводов.

Хочу описать, как происходит написание чего-либо в нашем ведомстве. Переписка есть важная составляющая работы административного персонала – пишет он много, по всякому поводу и без повода.

Подготовка официальных текстов, интервью и всяких там докладов, требует определённого вдохновения, сосредоточенности и некой концентрации сознания. Чтобы ничего не упустить и не нарушить стиль, «писатель» должен уметь входить в чуждый ему образ. С достижением этого самого транс всегда проблема: водовороты событий и сумбурность не позволяют залипать в одном месте на долго. Приходится переключать своё мышление по щелчку. Свободная минута – ты в роли директора, свободные 10 минут – целый губернатор. Главное не забывать щёлкать тумблер, не сбивать настройки образов, и не забыть про себя.

Итак, 9:00 – начало дня. Предстоит срочная подготовка письма, с которым тянуть уже нёкуда: если ещё чуть-чуть – постигнет беда. Открываю чистую заготовку (бланк), настраиваюсь как актёр на психологию того, от чьего имени печатаю – рождается первая фраза: «Во исполнение Вашего поручения, данного...». У нас любят, чтобы в начале была ссылка на указания руководства в качестве движущей силы. Такое вступление не для канцелярского удобства, как можно предположить, оно льстит и подчёркивает готовность подчиниться.

Не успеваю допечатать до первого знака препинания, как в помещение забегают какой-то гражданин в клетчатой рубашке и начинает сходу задавать свои вопросы «по существу»:

– А вот кто из вас (окидывает заваленный бумагой кабинет взглядом) писал когда-то о таком-то (подбирает слова)? Не подскажите, куда мы запрашивались и что нам ответили... И чем закончилась эпопея? Скиньте мне всё, что есть, а я сам посмотрю (и замучаю вопросами, хочется добавить).

Сеанс прерван.

Глаза вопрошающе приклеиваются ко мне и делать отречённый вид уже бессмысленно.

Эти Кишашие Сущности не дадут собраться с мыслями. Так и знал, что напрыгнут. Мироздание сопротивляется плавности хода, ему больше нравится моя нервозность и дрожащий глаз. Хотя положение не очень-то располагает к ведению отвлечённых бесед и к оказанию «первой помощи», но приходится пререкнуться.

Параллельно в заведении начинается обряд рукопожатий и взаимных приветствий, без которого у нас никуда. Лоботрясы, которым нёчем заняться, с 9:00 до 11:00 задёргают своими «здрасьте», рукопожатиями и «какделами». Традиция обязывает их ходить по кабинетам, фальшиво улыбаться и задавать дежурные вопросы. Давно уже понял, что если хочешь написать нечто по-настоящему осмысленное, приходи к 7:00 или на выходном. Это аксиома для заведений нашего типа. Качественно поработать можно только во внеурочные часы. От коротенького периода «до начала дня» больше пользы, чем от всего будня.

По моим наблюдениям для дел годится лишь сильно раннее утро: «вечеровки» не так эффективны, и это не только от усталости. После работы из-за неуспеваемости остаются мно-

гие, и эти «многие», зная о твоём присутствии, будут отвлекать. Те же, кто уходит вовремя, из собственной радости окончания трудового дня, обязательно заходят на прощальную церемонию по обмену парой слов, – не роботы же, чай, а люди. Обязательно заглянут в монитор и чё-нибудь спросят. Действительно, и чем же Я таким увлекательным занят?

Если решил посидеть с проdlёнкой, надо быть готовым к многократным объяснениям перед дружелюбными коллегам о причине своей задержки, и переключаться на режим «до свидания». Вечером начинает тупить компьютер т.к. автоматически включаются установки-обновления программ; приходит уборщица и просит поднять ноги. Даже дорога домой, если чутка задержаться, будет томительнее из-за накопившейся к этому времени пробки.

В общем, чтобы, закончить пятиминутное дельце в конце дня, потребуется не меньше часа жизни.

Моя рассудительность в этом вопросе не спасла меня: письмо важное, а печатаю Я его в самую неудобную пору. Тот самый случай, когда мысли разошлись с делом.

Прерываюсь на нашего незваного гостя: напрягаю память, ищу, выясняю. Сосед по столу изображает то же самое. Вопросом занималось несколько человек и давно: требуется целый консилиум, чтобы восстановить ход событий. Напрягаем напряжение, коллективно собираем по крупицам то, что небрежно отложилось на бумаге, компьютерах и в наших дырявых головах.

Разобрались. Даже самому не верится.

Печатаю второе слово своего письма – звонит телефон:

– Юрий Васильевич?

– Нет. Он вышел – наберите позже, или оставьте свой номер телефона.

– Ой, я по такому вопросу: может Вы подскажете...

Неприятный момент; нутро подсказывает, что лучше соскочить и не вникать.

– Попробую, – отвечаю Я опрометчиво.

Дальше эпопея на 15 минут с выяснением чего же хочет человек. Уже Юрий Васильевич пришёл и по-новому ушёл, а Я всё путаюсь в построках. Обожаю людей, не умеющих сформулировать вопрос.

Вопрос действительно не мой и не Юрия Васильевича. Нужно его переадресовать компетентному сотруднику и, желательно, сделать так, чтобы он не затерялся.

Что Я хотел-то до этого? Чем занимался? А, да, писал!

Кому? Их вон тут три письма открыто. А зачем столько? Тааак. А, вон что. По первому Я жду уточнения цифр, чтобы вставить в документ и отправить, второе Я открыл, чтобы написать, а третье – для какой-то информации. Зачем эта информация? Кому? А, вчера же звонила тётя, просила посмотреть. Надо срочно ей скинуть данные. Ээ-хехе, она же не поймёт там в них ничего; пояснять надо будет что к чему и почему.

Скидываю, пытаюсь сконцентрироваться над своей задачей. Удаётся целый абзац, – опять звонок (противный такой, надоел).

На проводе ещё одна коллега, которая всегда всех просит о помощи.

– Что это ты прислал, Иван? – начинает она. – Поясни, пожалуйста. Тут ничего не понятно.

Как и предполагал, голову включать никто не любит, проще позвонить. А если я не возьму трубку, прибегут прямо сюда, и будут стоять над душой. Эти ребятки своё дело знают...

– Конечно... Сейчас, – отвечаю с неохотой.

Пару-тройку минут въезжаем в курс дела. Ощущение, что она там вообще забыла, зачем Я вчера (именно вчера!) ей скидывал эти таблицы, и для чего она у меня ИХ просила...

Любим мы языками почесать.

Фуххх. Что там у нас дальше? Второй абзац! Будь внимательнее! Тааак. А здесь надо уточнять цифры. Вот это у меня есть где-то, надо будет поискать. Говорят, технология изготовления смартфона базируется на более, чем 250 тыс. индивидуальных патентов и изобре-

ний. Я вот тут тоже пытаюсь сделать что-то «под ключ» из чужих циферок, слов и мыслей. Моё письмо основывается как минимум на 7 источниках. Неплохо бы проверить на свежесть и качество тот материал, что «дали списать». Коллектив у нас специфический, использовать у себя инородное – это как лезть в яму по чужой верёвке. Доверие не безопасно тут.

Вот здесь, чтобы написать качественный абзац, нужна информация, которая есть только у Андрея финансиста. О, помню, он готовил последний отчёт в министерство и героически собирал данные...

Настал мой черёд отвлекать коллег. Значит не всё можно писать в утреннем одиночестве, – мелькает в голове.

Набираю. Не отвечает, Андрей. Так и быть, подожду, займусь пока другими делами.

Собираюсь с мыслями, звонок из приёмной:

– Ты вчера отправлял документ по маршруту согласования; мы его в программе не видим, а на бумаге он подписан, да...

Она обаятельно вздыхает с каким-то удалением от трубки телефона (подозреваю, что их этому специально обучают)

– Стартуй заново, – говорит, – или разбирайся, ищи там у своих...

После слова «своих» она обрывается, не найдя подходящего слова.

Что сказать, минувший день всегда норовит влезть и заполнить настоящее. Эта бюрократическая вязкость... долгих четыре минуты уходит на рестарт. Опять сначала, опять «через Цицикар». А что поделать, искать потерянное «у своих» нет смысла – уже не раз проверено, проще сделать заново.

Звонок. Опять приёмная:

– Тебе письмо по министерству вернули на доработку (вздыхает). Забери, исправляй. (Тоже через Цицикар)

Бегу на трёх ногах.

При таком ускорении главное не столкнуться с внезапно распахнутой дверью или какой-нибудь утончённой особой при кружке на блюде, – такое здесь не редкость.

Наверняка документ належался в лотках высокомерных распорядителей и теперь грозит стать «просрочкой». На каждой ступеньке ведь возвращали не по разу, дьяволы.

По подсчётам советских архитекторов, чтобы приготовить борщ на просторной кухне, надо пройти около 500 шагов. Скажу, что для написания простейшего письма «в нашей кухне» требуется не менее пары километров. И обычно нужно не ходить, а бегать.

Опппа! Отправлял на подпись вчера, а подписант-то уже не тот. Директор уехал, оставив за себя заместителя. Странная ситуация получается: исправил «на своё усмотрение» и отбыл восвояси. Подписывать должен тот, кто вчера мне его уже одобрил. Интересно, изменит ли этот товарищ своё мнение, оказавшись в новом амплуа? Особенно после того, как текст почеркал директор? Не понятно, чего ожидать от него. На эксперименты уже нет времени. Переделывать или нет?

Решаю выдать две редакции, и пусть выбирает. Кстати, руководитель новый, а, посему, и виртуальный маршрут надо менять: старый прекращать и запускать по иной схеме. Время тикает, день уходит, а Я всё со вчерашними документами разобраться не в силах.

В этом хитром программном обеспечении, чтобы зафиксировать выполнение задачи, надо её отправить обратно своему создателю. Инициатор должен увидеть результаты труда, ознакомиться, высказаться и может даже утвердить... Абсурд, но таков алгоритм фиксации отчёта о проделанной работе.

Это как беготня экспедитора за кладовщиком, чтобы тот подписал накладные. Вроде всю свою работу выполнил, а для получения отметки надо ещё похлопотать.

Ладно, чего-то Я отвлёкся.

Что там наш Андрей с цифрами? Не появился ли, случаем?

Звоню-алё. – Владимирыч, выручай...

Тормозим пару-тройку минут, шевелим рогами. Ему, как любому смертному, для начала бы сориентироваться, сообразить о чём идёт речь. Неизвестно, чем он занимался до моего обращения, может деньги считал, или в глаза себе чего бодрящего капал. Да и вообще, при таком ритме не сразу и себя вспомнишь. Понимаю...

Договорились на своём тарабарском языке, и заветная таблица наконец-то прибыла в мой почтовый ящик. Никогда не думал, что буду радоваться таким файлам.

«Вот так головоломка, – посещает мысль. – Ещё разобраться бы в этом... Как человечество вообще могло придумать что-то подобное??? Боже!

Нет, информация не применима, – это не то. Андрюшка меня неправильно понял, либо умышленно отмахнулся. Кто его знает?

Придётся быть назойливым.

Перезваниваю 3 раза по 8 гудков – опять тупик. Ушёл курить, предполагаю... Андрюха тоже человек, он слаб.

– Да Татьяна Васильевна, хорошо Татьяна Васильевна, конеч..., уточню Татьяна Васильевна, хии-хи-хи Татьяна Васильевна... – разносится из кабинета напротив.

Классическая подхалимская трель для этих мест. И ничего этой Татьяне Васильевне... нос не шибаёт.

Так и быть отступлюсь от намеченного курса, почитаю пока почту: чего там навалилось за последние сутки? Больше всего не люблю это занятие. Когда работаешь с информацией, и в обязанности входит отвечать на всякие вопросы, шлют ВСЁ, что не лень может пригодиться в практике. Главное «ознакомить», – дальше трава не расти. Делается такая рассылка без навязывающих примечаний и подсказок. В среднем приходит по 10 уведомлению каждый час. Читать это мучительно, не интересно и больно для мозга. К чему это? А вот это? – походи догадайся... К тому же каждое сообщение хранит в себе какую-то скрытую подзадачу. Что-то нужно проверить, что-то увязать, где-то заменить один файл на другой (и не забыть при этом).

Раскидал, структурировал, сохранил в подходящих папках...

Вот нашлось ещё несколько безотложных ребусов. Надо переслать их своим подведомственным учреждениям, чтобы приступали по ним заранее шевелиться, а вот на это надо готовить справочку, и лучше заняться ею как можно скорее.

Закончить бы как-то эпопею... – сидит занозой в уме. Звоню наудачу ещё разок коллеге. В пустоту... Нет смысла его терзать сегодня: ему не до меня. В служебном чате даже не откликается вон, значит есть дела куда поважнее. Есть резон подумать, как уйти в тексте от этих навязчивых показателей. Попробуем написать в другом ключе. Это как собрать какое-то изделие без ключевой детальки – обойтись можно, но предстоит извратиться. Думай! Дууумай, работничек!

Голос с соседнего стола:

– Отсканируй листочек, пожалуйста?

Радушная улыбка. Таким не откажешь, да и сканер по иронии судьбы подключен только к моему устройству. Нет, не откажешь.

Всё б оно ничего, если бы ещё сканировать на нашем оборудовании было просто. Сейчас, теряя драгоценные минуты, надо будет переключиться на эту никчёмную ерунду...

Процесс усложняется подвисанием систем компьютера. Классика! Подозреваю, что сисадмины «майнят криптовалюту»: не может быть, чтобы всё было так ужасно с нашим оборудованием, без чьей-либо на то выгоды.

Компьютеры здесь словно такие же конторщики, которые только и думают, как увильнуть от работы. Стоит только начаться всеобщей безумице и спешке, они тут как тут вне игры.

В размышления вклинивается воспоминание о заявке, предназначенной для финансирования немаловажного объекта. Она же вообще горячей была. Странно, что ещё не прибежали с истериками и разборками, просто удивительно.

Нужно неотложно этим заняться. Звоню:

– Здравствуйте.

Я из департамента согласования согласований, Галаев – моя фамилия (представляться положено по регламенту). Елену Бенедиктовну бы мне.

– Минутку, переведу.

У них там тоже половина отдела на одной линии. Наверное, они как и Я, задолбались с переключениями.

– Алло!

– Доброго дня. Галаев говорит.

– Да (упрощённое ответное приветствие).

– Хочу попросить файлы заявки, чтобы прикрепить их в программу.

– Какой именно титул Вас интересует?

– Про Обход Моорска.

Пауза.

– А поточнее? У нас про него около тридцати наименований, – говорит собеседница с назидательным тоном.

– Я Вас понял, секундочку, прочитаю.

В этот момент на весь экран появляется кислотно-зелёное окно, блокирующее все приложения. Ежедневный тест на антикоррупцию! – stop machine. Требуется вдумчиво прочитать 15 строк и выбрать правильный вариант ответа.

Приношу извинения, обещаю связаться чуть позже. Кладу трубку и вижу толстенную прошивку у себя под носом. Крупным шрифтом на ней заковыристое название той самой заявки, о которой только что шла речь. Это её оригинал. Пока разговаривал и суетился, руки непроизвольно откопали её в куче корреспонденции. Какие самостоятельные и профессиональные руки...

Начинаю заново.

Поиски специалиста – минуты жизни.

– Это снова Я!

– Кто «Вы»?

Вставляю паузу вместо ответа. Артистично вздохнуть, как наша секретарь не умею, а на вводную болтовню уже нет сил.

Название объекта: «Строительство окружной автомобильной дороги города от а/д Моорск – Север через Ермак, Борятинск, «Большая Земля» до дублёра Староберёзовского тракта. I этап (дополнительные объёмы №3). Участок км 0+510 – км 2+370 с транспортной развязкой по улице Дмитровская». (Компенсация за ущерб водным биологическим ресурсам)».

Nb^ Какое же страшное заглавие. Гвоздь бы вбить в голову тому выдумщику.

Вроде ничего не упустил.

– А, про рыбы?! – наконец-то радостный возглас. – Зашевелились, да? (вскользь, с неким укором). Укомплектую и скину в течении получаса.

Резкий обрыв диалога. «И причём тут рыба? – недоумеваю Я.

Надо будет, любопытства ради, чуть погодя обратиться к ним повторно и воспользоваться этим шифром «рыбы». Посмотрим, поймут ли, бесы.

Получаю электронные архивчики, принимаюсь за сверку их с бумажным носителем.

Мироздание ко мне внезапно становится благосклонным, наступает удивительной силы тишина. Словно мир застыл в ожидании чуда, и от этого ещё сильнее не по себе.

Нельзя терять ни мгновения: пользуясь случаем нужно привести в порядок мысли и светотени.

Пока обстановка располагает, сверяю буквы и символы на лицевых страницах. Избави боже запустить в производство хоть мизерное разночтение в сих талмудах – съедят живьём. Официальная ответственность на тебе, а не на этой лаконичной тётке! Потом не реально будет объясниться – пока не получат крови, не уймутся.

Время приближается к обеду, а Я ещё ни в одном деле толком и не продвинулся. И благо, что обошлось без «оперативных поручений».

На своде

– *Кто шил пиджак?*
/А.Райкин/

Обращения населения в органы власти обычно несут в себе клубок вопросов, а иногда выглядят как «сельский шум». Люди, как правило, плохо излагают свои мысли, от чего понять, что конкретно предлагается – не просто. Иногда возникает чувство, что жалуются на жизнь в целом, затрагивая пунктиром все выпавшие на их долю несправедливости и беды. В одном фильме перестроечных годов М.Евдокимов ехал к президенту в Кремль, чтобы сообщить ему о народных проблемах. Там дедушка из какой-то глубинки бежал за уезжающим Запорожцем по пыли и взахлёб жаловался: «... и старуха у меня скупердяйка, всю жизнь мучаюсь, чекушку после бани не видал!.. У нас примерно также.

Составляя свои жалобы, люди считают: чем больше они изложат случаев общей несправедливости, тем будет убедительнее. В результате, получается, нечто громоздкое и путанное.

Один государственный орган не в состоянии ответить на волнующие заявителя тайны мироздания, поэтому обращение как бы дробится, исполнителей назначается множество: в части медицинского обслуживания ответит ведомство по здравоохранению, про двойки в школе – Департамент образования, а о газификации – Управление ЖКХ. В идеале, каждый должен врать писать только в своей части в формате вопрос–ответ, согласно списку проблем. Если письмо направлено в верхний эшелон власти (президенту, например), то по закону гравитации оно спускается через множество промежуточных приёмных до своего исполнителя. Что-то остаётся на совести федеральных структур, а что-то уходит в регионы. Дойдя до регионального Правительства документ должен точно так же претерпеть «ропись» и быть направлен тому, кто «уполномочен заявить». В этом месте наступает нюанс: если Аппарат губернатора сделает так, то получится беда: мы все ушлые и будем пенять друг на друга, а заявитель получит заказным письмом на гербовом бланке противоречивую околесицу. Выйдет как в письме дяди Фёдора к родителям из м/ф «Простоквашино», где к тексту приложился пёс:

– ... *Я живу хорошо. Просто замечательно... Здоровье-то у меня не очень: то лапы ломит, то хвост отваливается... Хвост у меня крючком, уши торчком, нос холодный, и лохматость повысилась. Мне теперь можно зимой даже на снегу спать... До свиданья, ваш сын – дядя Фарик.*

Во избежание каламбура было придумано по каждому делу назначать своего ответственного, т.е. «сводящего» информацию в нечто единое. Сначала полномочия по подготовке конечного ответа в адрес обратившегося гражданина делегируются какому-то областному департаменту, а потом уже там внутри определяется какой отдел, и кто конкретно из специалистов будет лично «крайним», если что. Так удобнее. Понятие «свод» означает наличие главного ответственного исполнителя где-то там (в органах власти), который вне зависимости от круга своих полномочий, обязан активизироваться и стать флагманом в возникшем деле.

Сводящий – это некий транслятор, который аккумулирует наш чиновничий ужас, состоящий из негодяйских доводов, и излагает его в одном месте, используя единый стиль, язык и логику.

Несмотря на то, что вышестоящим ведомством или пусть даже губернатором лично чётко расписано кому в какой части отвечать, задача для участников процесса имеет разное значение. Для «закрывающего» она оборачивается морокой морочной, а для соисполнителей – посильной помощью коллеге в подготовке «какого-то там» ответа.

В этой мелочи сидит дьявол. Именно сводящий отвечает за общее качество информации и сроки её отработки. Он вынужден выполнять заключительную операцию на этом убогом конвейере.

Собрать ответы на вопросы от соисполнителей не так-то просто, как может показаться. Те, кто дают информацию (муниципалитет, департаменты, Полиция и прочие значные места) относятся к задаче не так трепетно, как хотелось бы. У каждого имеются более срочные дела, поэтому они тянут до последнего и направляют информацию по своей части в последний день. Никаких добрых партнёрских отношений здесь не предусмотрено, а качество предоставленной коллегами информации, как правило, оставляет желать лучшего. Обычно это словоблудие, не имеющее ни единой позитивной нотки. Сделать что-то годное из таких бракованных деталей – задачка та ещё.

Как правило, ни в одном из писем от коллег нет доброго слова (для нас и так пойдёт), а это нарушение заповеди «о всеобщем благополучии». Соисполнители могут себе позволить горькую правду в отличие от того, кто формирует окончательный ответ. Закрывающий должен вложить хоть мизерный, но позитив, обнадежить заявителя, и никаких «но».

Чтобы хоть как-то предать материалу божеский вид, начинается доработка напильником¹¹. Важно понимать, что редактирование информации другого ведомства – это искажение его слова! Получается, что тот, кто на своде, за благой целью перевирает чей-то официаль-

¹¹ Анекдот про то, как иностранцы собирали по инструкции присланный им поезд, а получался вертолёт. Под звёздочкой значилось «слегка доработать напильником»

ный скользкий текст и тем самым берёт ответственность за результат на себя. Это как лезть с починкой в бытовой прибор, который на гарантийном обслуживании – внедряться приходится очень бережно и незаметно. Мне вот, например, очень сложно править что-то про разведение племенного скота, здравоохранение и народное образование. Для себя Я многое конечно понимаю, но, чтобы в документе, пестрящем оборотами и хитрыми оговорками, заменить некоторые термины с формулировками – это уже слишком.

Логичнее играть информацией в своей части. Казалось бы, вставляем свой позитивчик (ромашку) в конец письма и тем самым заканчиваем текст на добром прекрасном... Ага-ага, если бы так всё было просто.

Дальше начнутся исправления текста начальниками. Руководитель не захочет подписываться под позитивным обещанием в своей сфере. Он лучше проявит себя специалистом в чём угодно, чем пообещает что-то от себя. Начеркает так, что понадобится ещё два дня редакторской работы с изучением какого-нибудь Лесного кодекса.

Чтобы легализовать «творчество», следующим этапом является согласование поправок с изначальными авторами текстов. Мало подкорректировать линии или оттенки за художником, нужно ещё и доказать ему, что так будет лучше.

– Кто будет переубеждать соавторов? – спрашиваем мы каждый раз, словно столкнулись с подобным впервые.

– Ты будешь! – отвечают. – Кто у нас специалист?! Кому, как не тебе, дорожнику, разбираться в фуражных кормах и доказывать аграриям, что они были не правы, когда грубо отписывались.

– А если он (соисполнитель) не согласится на исправления???

– Тогда поищем другой способ.

– А время на споры где взять? Сроки уже поджимают! (за просрочку законом предусматривается персональная ответственность)

– А зачем ты дотянул до последнего?

Такие вот дела.

В своих поручениях региональное Правительство со временем научилось поступать ещё проще: оно ставит задачу «под ключ». Это когда руководитель из вышестоящего ведомства не расписывает «вручную» ответственных, а тупо определяет исполнителем конкретное должностное лицо, – и не волнует. Задача подчиненному «под ключ» для начальника всегда удобнее. Зачем разбираться да уточняться, чьим является вопрос, когда можно скинуть всё вниз на кого-то одного, и пусть там сам соображает «откуда есть пошло»... Если понадобится, запросит, поинтересуется, разберётся в полномочиях и отстоит позицию. Для того он и подчиненный, чтобы на нём ездить, а не беречь.

Руководитель, которому «выпала честь», почти никогда не перечит, а отправляет задачу вниз по своей структуре (ведомству). И не важно, что никто из подчиненных не подходит под ранг проблемы ни по образованию, ни по профилю, ни даже по должностным обязанностям. Кто ему возразит? Даже если кто из новичков и попробует переиграть колоду, то быстро узнает свой предел прочности: вымотают ему клубок нервов, а на разумные доводы придумают 9 000 отговорок. На переделку резолюции вряд ли кто согласится, ибо путь подразумевает диалог подчинённых с начальниками. Легче переставить железнодорожный локомотив от одной платформы к другой, чем договориться со всеми нашими упрямыми в пиджаках.

Если вопрос не твой, лучше не теряя времени засучать рукава и запрашивать всё необходимое где только хватит фантазии, пока не грянуло лихо.

Примерный маршрут выглядит так:

Задача попадает на стол одному из матричных работников, который не знает с какой стороны к ней подъехать. Иногда вообще непонятно: «Это про что вообще? Оно это зачем?». На исполнении может оказаться какая-нибудь Концепция стратегии деятельности Региональной Думы, или, к примеру, Доклад по формированию нацрейтинга. Пойди, разбери их. К документу прикрепляется стопа записочек с одной и той же всеобъясняющей формулировкой: «Для работы. Срок – вчера», Резолюция! А между тем отправлять головоломку ещё ниже – уже вообще безрассудно. Если на своём уровне такое кажется непобедимым, чего говорить о них там. Нельзя ж так до бесконечности перекладывать на нижестоящих. Они, кстати, тоже могут тупого включить и взбрыкнуть. Будут правы, между прочим.

Дальше, тот, кто проявил бдительность (не от совести, а от страха ответственности) скрепя извилинами пытается разобраться в происхождении неведомой мути. Только на выяснение «что нужно?» уходит не один час, а то и день. Не имея ни малейшего представления о порученном, он безропотно запинается по кабинетам, бесконечно звонит и что-то согласовывает с тридцатьшестью административными представительствами области.

Работа не по своему профилю – это больная тема для нас.

– Ну, про ездовых собак я слышал, а вот ездовые коты – это перебор!

– Ничего, ничего. У нас зимой дороги такие и погода такая, что уже ездовые академики встречаются. Сам видел!

/м/ф Зима в Простоквашино/

Мало того, вопросы очень ветвистые, так ещё и ответственные назначаются ассоциативно. Например, выделением субсидии на закупку авиатехники Транснациональному энергоконцерну может заниматься специалист по электрификации из отдела ЖКХ. Такое часто случается, потому что при составлении резолюций ключевым словом для секретарей обычно служит название. Есть слог «энерго», значит – к электрикам, и назад не отмотать. Если требуется составление Дорожной карты (т.е. алгоритма действий) пусть даже по развитию здра-

вохранения, то, как пить дать, это станет моей «дорожной» задачей по ключевому слову ДОРОЖНАЯ.

Сколько раз приходилось морщить лоб за финансистов только потому, что в запросе каких-то незнакомых человечеству экономических показателей использовалась как бы между прочим формулировка Дорожный фонд.

Как-то мне в работу поступило обращение одного писателя, желающего справедливости чуть ли не во всех областях жизнедеятельности разом. Вопросы были навалом, некоторые из них риторические, на которые отвечать одно мучение – только правильная раскладка на пункты сведёт с ума.

Человек с желчной злобой сквозь строки, излагал Президенту (не могу себя отучить от заглавной буквы в этом месте) факты о бесхозяйственности властей; ссылаясь на отсутствие транспортной и социальной инфраструктуры; тыкал чрезвычайно рыбными озерами в родных краях, которым «местные коррупционеры пройдохи» не уделяют никакого внимания: «Не чистят, воду пить из него нельзя, рыбадохнет, народ беднеет, куда мы кОтимся...»

В конце стояла отметка, что скоро пахота, а дороги закрыты на весеннюю распутицу. Раз уж в этой трогательной лирике сидело страшное слово «ДОРОГИ», нашедшее отражение даже в школьной литературе, то весь плач души попал ко мне на исполнение. Согласно резолюции верховного лица, не подлежащей сомнению, от смежных органов власти требовалось предоставление информации.

Полномочия государственных органов хоть и разграничены законодательно, но всё же имеет место множество спорных моментов. Иногда каждый из участников занимаются почти всем сразу, а бывает, что «вот этим» занимается «никто». Ответственных на некоторые дела не найти при любом своем желании и административном мастерстве.

В ходе проработки выяснилось, как оно чаще всего и бывает, что множество вопросов, прописанных заботливым человеком на газетной бумаге, требует слаженных действий нескольких ведомств. Привычное деление на «твое» и «моё» – не годилось. К тому же установить, кто из «наших» является ответственным по очистке озера – оказалось делом принципиально невозможным. Т.е. департаменты информировали меня каждый, якобы, в своей части, но с переводом стрелок на соседа. Когда объединяешь «логичные» отписки в одном месте, становится очевидно, что «это» годится только для журнала крокодил. Предоставить такую ересь, значит обличить несостоятельность всего государственного аппарата.

Из подобных ситуаций имеется 3 пути:

- вынос (возврат) вопроса наверх (что чревато ужасным административным сопротивлением и признанием родного начальства в собственном бессилии);
- разбирательство в чужой сфере (что совсем не профессионально, не законно и по истине трудно);
- уход со службы.

Структурный изъян срabатывает постоянно и безупречно, но, чтобы выпутаться из беды, от работника понадобится не мало энергии.

В наш орган власти крайне редко поступают обращения напрямую. Т.е. вопрос на 100% наш, но заявитель обращается куда-то высоко-высоко или далеко-далеко в бок. Он готов писать куда-угодно, но нас словно не видит и не желает знать. Дело в том, что само название ведомства не имеет и намёка на свой профиль. Департамент по строительству! Сухо и лаконично. На заведение с таким названием не подумаешь, что оно вообще может отвечать за что-то. Учитывая, как хитро заплетаются наши полномочия, Я очень даже на стороне тех заявителей, которые по любому мелкому вопросу пишут сразу дорогому Президенту или Губернатору (обязательно с большой буквы). Не одну голову сломаешь пока разберёшь как это работает, и кто за что отвечает. Если даже спускаясь сверху вниз, от начальника к подчиненному, письмо не нахо-

дит своего настоящего исполнителя, чего уж говорить о гражданах, которые нас не различают между собой. Да чего там граждане? – Я сам, общаясь с другими регионами по своей непосредственной работе, путаюсь в их структуре. Если наш департамент по строительству кроме обязанностей созвучных названию занимается расселением граждан из аварийного жилья, ведёт очередь по выделению жилья молодым семьям, осуществляет госстройнадзор, участвует в территориальном планировании, ценообразовании и курирует дорожно-транспортное направление с сопутствующей её безопасностью дорожного движения, что мешает соседнему региону тоже не извратиться? Почему нет, в конце концов? Продавались же рыболовные сети и мотоциклы когда-то в спорттоварах.

Надо уже переходить на более универсальные названия органов власти. Вектор, например... или Перспектива там. Не надо никаких разделений, всё равно винегрет. Виновных назначать через лототрон с резиновыми шариками. Так даже справедливее будет.

Доклад готовишь ты, потому что так проще для меня

В один зимний вечер произошло столкновение детского автобуса с грузовиком. Событие трагичное и очень громкое.

Мне на самом деле очень жаль. То, что Я опишу дальше – это не цинизм, а анализ бюрократической реакции на ситуацию в деталях.

Дело произошло в другом регионе, на федеральной трассе и не на регулярных перевозках. Казалось бы, какое отношение имеет наш Строительный департамент к этому происшествию(?), и всё же Я насторожился. Вроде бы за федералки отвечает своя, выделенная государством структура – некий Автодор, сфера безопасности дорожного движения закреплена за вездесущей Полицией, а в перевозках детей на спецмероприятия ответственность несёт организатор. Максимум, кого можно притянуть за уши к виноватым – администраторов самих сборов, ну и водителей. Как оказалось, не только их.

При каждом серьёзном ДТП автоматически начинается череда изнурительных совещаний при министрах, губернаторах их заместителях и пр. и пр. Экстренно собираются комиссии, ведутся переговоры с кучей отчётов и докладов... Попутно вся сфера подвергается пристальному вниманию со стороны надзорных органов. Классическая реакция власти при громком происшествии – усилить контроль проверками, чтобы создать видимость профилактики.

Случай, о котором хочется рассказать, не стал исключением, и каждое ведомство региона как «по умолчанию» перестраховывалось и назначало свои «мероприятия». От греха подальше отменили и губернаторскую ёлку! Нельзя было допустить перевозку детей, пока не проверили всё до 8 колена. Вопрос даже притянули на областную комиссию по безопасности дорожного движения. Лишним не будет.

В том-то и сидел подвох.

Работу комиссии обычно обеспечивает наше транспортное управление, которое входит по иронии судьбы в Строительный департамент. Комиссию нам вменили в функционал на том основании, что мы транспортники и ещё чуть-чуть дорожники. По логике вещей к теме безопасности дорожного движения находимся ближе всех. Так удобнее и логичнее, посчитали где-то. Управление аккумулирует и перерабатывает информацию, рисует слайды и ведёт протоколы. Вся рутина по комиссии завязана на нашем управлении, поэтому даже если на рассмотрение выносится совсем чужеродный вопрос, всё равно он ложится на нас. Будь то оказание медицинской помощи пострадавшим при ДТП или пропаганда «пристегни ремень», всё равно этим будет заниматься дорожник из строительного департамента.

Комиссия – это очень больная процедура. Несмотря на то, что заседание проходит один раз в три месяца, мероприятием на постоянной основе – непрерывно – занимается несколько специалистов.

Вышло так, что страшное событие произошедшее где-то там, а рассматривать его притянули сюда, к нам, и вменили лично мне. Профилактика и предупреждение! Задача о внеплановых сборах была отписана по классической ветке, отработанной годами, – и на то уже не повозражать.

– Что за ерунда? – взбунтовался начальник, – вопрос абсолютно не наш!

Больно было смотреть на его багровое и полное ненависти лицо. Такие физиономии Я видел только по телевизору, когда показывают каких-нибудь повстанцев. В наших местах такое редкость...

Он как никто понимал, что спустить ДЕЛЮ ещё ниже, на подчиненных, уже не получится – на комиссии придётся докладываться лично, и судя по напряжённости обстановки, это выход в свет может стать для него последним.

По специальному его заданию у меня весь день ушел на то, чтобы собрать необходимые материалы, подтверждающие нашу никчёмность. Готовилось серьёзное противостояние с аппаратом губернатора. Ломая мозг и сгрызая ногти, чёткие и весомые доказательства были найдены.

Прямо тут же не сдерживая эмоций, по селектору, был найден помощник заместителя губернатора, который расписывал злосчастный документ. Тот без особого чувства пояснил, что так принято, и порядки менять под конкретный случай он не намерен.

Даже когда мы его четвёртый раз подряд убедили в своей правоте, в ответ было сообщено:

– Если вы хотите поменять резолюцию, то стучитесь не ко мне, а наверх, к тому, кто руководит комиссией. Воевать с половиной аппарата губернатора я не намерен. Мне пришла задача, я её отписал по маршруту. Разворачивать поручения и отнекиваться не входит в мою компетенцию...

Это улыбчивый и доброжелательный внешне человек. Он исполнительен для начальника, а для нас просто вежлив и улыбчив как доктор Ливси, который очень хороший общительный человек¹².

Переубеждать его бессмысленно, как ругаться на дождь.

Впереди были недели нервной и никому ненужной работы и переписки: запрашивание чужой информации, изложение её на слайды, исправление стилистики и перестановка слов местами. Это была очередная работа «под ключ».

– Докладчик! Закуси губу и пой...

¹² м/ф *Остров сокровищ*

Придумай себе задачу

На исполнение пришло письмо Газпромнефтехимсоюз – назовём его так – в котором содержится просьба оказать поддержку в куче переплетённых вопросов, суть которых совсем не ясна. Резолюция (задача) начальника гласит: «что это? Уточнить суть».

Хороша резолюция. Содержательная! Люблю такие. Начальник делегирует свои полномочия подчиненному, чтобы тот сам во всём разобрался, сам себя «правильно» озадачил и потом объяснился, почему он сделал именно вот так, а не по-другому. Хитрые ходы.

В академии (а я учился, да) говорили, что лучшие знания те, которые добыты студентом при самостоятельном изучении материала. В департаменте так говорят про задачи. Поступило что-то непонятное(?) – срочно это вниз и пусть возьмётся. Такая схема не одаривает специалиста свободой действий, как может показаться. Ему совсем не доверяют. Всю цепочку действий нужно будет выстраивать самостоятельно и защищать на каждом этапе исполнения. Придумай сам и докажи, что складно сообразил, – вот как это работает. Представьте землекопа, которому поручили вскрыть повреждённый кабель где-то в Восточном микрорайоне. Где, как и какой именно? – догадайся сам.

А почему ты выкопал здесь, а не там? И зачем так широко? А для чего вообще всё это? Умных по ходу работы появится мно-о-ого.

В задаче типа «разберись сам» только на выяснение направления уходит ½ дня. Первое, что приходит на ум – увернуться хитростью на хитрость. Ответить за исход ДЕЛА в наших местах почти всегда невозможно: любой даже ничтожный на первый взгляд вопросец – бесконечная, грязная канитель. В одно-два действия ничего не решается. Главная цель – открититься подальше, или ответить только за свой маленький пунтик, не взболтнув лишнего. И то, если принудили.

Решаю действовать в стиле: какой вопрос – такой ответ (иногда приживается, а иногда ругают с чтением моралей). Распутываю слегка клубок непонятностей, как было велено, излагаю каждый их них пунктиром в диалоговом окне программы, и закрываю, скрестив пальчики. Лишь бы не замотало туда – авось пронесёт.

Программка документооборота напоминает чат, в котором пошагово фиксируется всё, что происходит. Электронное взаимодействие очень спасает: можно черкнуть сообщение и ждать реакцию, без хождений по кабинетам, официальных запросов и прочей лебеды. Надо понимать, что сходу согласовать свои действия с начальством практически невозможно т.к. оно вечно занято, злое и вряд ли готово на разговор.

Руководитель, который получает мой ответ на вопрос, должен определиться, что надо делать дальше и поставить корректную задачу, а возможно даже назначить другого, более компетентного, исполнителя.

В моём случае надежды не оправдались – задача вернулась ко мне, и она существенно усложнилась. В командной строке значилось «организуешь совещание у директора на понедельник». Интересно, что команду отдал курирующий зам нашего Департамента, а остальные промежуточные начальники от задачи точно дистанцировались. Старое доброе «под ключ».

Опять поручение поставлено коротко и сухо; в нем куча нюансов, требующих прояснения с длительными разбирательствами:

- Директор в курсе, что у него совещание? Мероприятие с ним оговорено? Точно?
- На какое время организуем?
- Кого надо звать из смежных ведомств для подстраховки? И почему [этих], а не [вон тех]?
- Справка нужна?
- На чём акцентируем материал?

Для решения первого пункта обращаюсь к секретарю. Она с присущей твёрдостью отвечает, что в журнале совещаний отсутствует запись. Значит директор не в осведомлён, – и это уже плохо. Чтобы правильно включить мероприятие в график и хорошо к нему подготовиться, надо свести директора с его курирующим замом. Только их разговор задаст единый курс. С разговорами получилась накладка по случаю срочного отъезда зама в столицу и нежелания отвлекаться на пустые наши звонки. В министерстве он, – чего не ясно? Дела у человека! До директора достучаться по таким вопросам проблематично т.к. он вообще не поймёт о чём речь, и с чего вдруг он должен совещаться с кем-то. В мероприятии заложен скрытый мотив, который ясен только нашему «отбывшему по делам», и без него не обойтись. Чтобы не остаться крайним, отправляю на его почту кратенькое описание темы предстоящего совещания и свои вопросы.

Тишина. Борщом только на этаже сильно пахнет.

Указания сверху никаких.

Когда приходит понедельник, звонит главный шеф и спрашивает: «Где все?»

Управление захлёстывает паника. Дрожащими от нервозности руками набираю секретаря. Преодолевая зевоту, она отвечает, что ни о каком совещании знать не знает; говорит, что это самодеятельность какая-то, и вообще не её забота.

– В распорядке дня на это время записано более важное мероприятие было, – утверждает она. – Телевиденье вон пришло. Ждут!

Как выяснилось: откомандированный зам, будучи в суматохе, как бы согласился с моими домыслами, порешал там что-то с директором, но не отписался. Он сделал себе зарубку в коричневом ежедневнике с гербом на обложке, и всё на этом. В результате в неведение оказалась собственная помощница, приёмная директора, дезинформированы телевизионщики, ну и Я тоже. Руководители сами по себе, мы тоже. Из-за такой накладки придётся встречу с Газпромнефтехимсоюзом экстренно переносить на завтра.

В этот раз организую как положено, со всей обходительностью: пригласительные листы, перечень вопросов, запуск по маршруту и трепет в душе. Все понимают, подписывают, кивают – везде зелёный свет.

Как бы там ни было, утром опять истерика: «Где справочный материал к совещанию? Мы все не готовы, зачем так жить...» и поиски виновных, – куда без них.

Впереди было ещё много заходов.

Поиск здания

Однажды мне прилетело прямое поручение¹³.

Индивидуальные спецзадания у нас очень любят, Я б даже сказал, что вся реальная работа здесь основывается только на них.

Требовалось найти офисное помещение для размещения местного структурного подразделения одного федерального учреждения.

Область (т.е. группа её лидеров) сочла необходимым помочь и было решено, что поддержку окажут не уполномоченные на то по регламенту люди, а коллеги дорожники, т.е. мы. Взаимодействие отраслевиков будет способствовать развитию партнёрских отношений, блабла... Так установилась едва ощутимая связь между мной, региональным чиновником и федерацией.

Если не игнорировать условности и самобытность контингента, вопрос является очень обширным и ветвистым. Для дилетанта, даже с залихватским настроем, он может быть вообще непреодолимым препятствием. Сотрудничать с коллегами в рамках единой отрасли – одно, а помогать им в том, чем сам не заведешь – другое. Это две большие разницы, как говорят в Одессе.

Хирург может помочь психиатру выкопать картошку на даче или в аэропорт подбросить по доброте душевной, но это будет не профессионально, что ли.

Суть моей задачи заключалась в добыче всей относящейся к теме информации из неизвестных источников и изложении её в наглядной форме. Всё должно быть максимально удобно для тех, кто будет принимать решение.

Мыслей в голове роилось много, но с чего-то надо было начать. Неправильный почин – это хуже всего. Если заехать не с той стороны, можно самого себя так запутать, что взвоешь волком. Тот, кто обращался в госорганы наобум, поймёт меня: можно язык смозолишь, пока будешь интересоваться у каждого.

За местным правительством, как носителем государственности, закреплено некоторое добро: здания, гаражи, техника и пр. Это имущество предназначено непосредственно для обеспечения работы структуры власти.

Соображая логично, можно догадаться что за всю недвижимую, находящуюся в государственной собственности, отвечает специальное ведомство – департамент, или что-то в этом роде. Не может быть, чтобы такой вопрос каждый раз решался спонтанно и точно, как сейчас. Полез в перечень исполнительных органов, чтобы привязаться хоть к каким-то полномочиям, исходя из названий.

Знаю, что опираться на наименования – гиблое дело, потому как они редко отражают функцию, но всё же лезу. Глаза зацепились за Управление делами правительства, Хозяйственный комитет, а ещё Департамент имущественных отношений. Что это, дублирующие инстанции или иерархия? В чём отличие и где грань между ними – пойдти разбери.

За полдня, пока разбирался что к чему, стало ещё непонятнее. От звонков и «прояснений», вопросов накопилось ещё больше, чем было в исходной точке.

¹³ Анекдот: Во времена подготовки путешествия Екатерины-2 по Днепру в Крым, Григорий Потёмкин для имитации обжитости территории придумал разместить по берегу бутфорские постройки. Вот, значит, приезжает князь на «стройплощадку» и видит полное бездействие. Ни одной декорации! Как положено, собирает челядь и читает ей мотивирующую речь. Народ одобряет и обещает исправиться к следующему визиту. До путешествия императрицы остаётся месяц. Григорий решает проконтролировать ещё разок. Приезжает и видит ту же самую ситуацию: ничего не изменилось. Потёмкин орёт с трибуны как резаный, грозит всех разжаловать и казнить. Все божатся, что всё будет как надо. За неделю до события ещё раз приезжает и, увидя разруху со свинороем, хватает первого попавшегося крестьянина бьёт его по мордасам. Тот с плачем восклицает: – За что барин? – Что ж вы, собаки, дотянули то? – спрашивает разъярённый Потёмкин. – Дык, так и так, отвечает работяга, – прямого то поручения вроде не было!

Стало очевидно, что единого хранителя ценных мне сведений не существует. Нет такого окошечка, куда можно подойти и спросить: Я сам вынужден служить этим окошечком. Информация как бы размазана всюду по чуть-чуть: каждый из «уполномоченных» представителей власти и подведомственных учреждений что-то знают, но данные предстоит собирать да распутывать. Куда бы Я не обратился, меня ждала переадресация, отповедь или уклон: никто сходу ничего не рассказывает. Понятное дело, если бы поручение было расписано нам всем сверху через официальный канал, то ответственные более-менее определились сами-собою, но здесь-то Я действую полуподпольно. Каждый, до кого дозваниваешься, не желает связываться: собеседник не отказывает, но и не идёт на встречу.

Ну и задачка...

1. Нужно поинтересоваться потребностями наших переселенцев.

2. Выяснить, что у нас есть **ВООБЩЕ** в городе.

3. Потом логичным будет составить список потенциально подходящего имущества. Неплохо бы понимать какие из наших ведомств какие здания занимают и как они им подходят «по габаритам». Размер заведения должен соответствовать занимаемой офисной площади. Пустующие пространства, ровно, как и их перегрузка (например, разбивка органа на два адреса) – явный признак нерациональности.

Основная сложность в том, что своими действиями Я как бы вклиниваюсь в тайную материю. Любое из зданий может быть под кого-то зарезервировано, кем-то обещано или просто запрещено к общему использованию. Решения в этой сфере принимаются главными политическими фигурами на основании кулуарной возни. Следует учитывать все ранние договорённости. Изучение вопроса – путь лжи, приписок и грубости.

Чтобы систематизировать данные в таком уравнении с множеством неизвестных, создаю таблицу на 100500 строк и 9000 столбцов. От сумрака пустых ячеек наступает анемия. Неужели и вправду такое не делалось ранее, не первый же Я бедолага, который столкнулся с такой задачей? «Вот бы найти человека и воспользоваться его наработками» – посещает мысль. Столько лет здесь уже штаны протираю, а всё нет-нет, да замечтаюсь.

Полдня на телефоне и вот Я уже разбираюсь во многих вопросах (думаю, по крайней мере, что разбираюсь). Структура управления государственным «добром» потихоньку прояснилась в голове, появились многие контакты. Теперь аналитика и переговоры с уточнениями. Вторая половина дня уходит именно на это. Ещё день – на оформление материала, чтобы разложить все картинки, прописать что, где в каком состоянии находится и с какими «оно» характеристиками. Несу шефу на блюдечке с голубой каёмочкой, поясняю некоторые моменты и фиксирую от него замечания. Пару дней тратится на компоновку информации в тот вид, который будет «удобнее». Марафет имеет большее значение, чем суть. Дальше мой начальник-благодетель звонит шефу – переселенцу и они по-хозяйски, непринуждённо, обсуждают наиболее приемлемые варианты. Только после этого Я получу конкретное направление по отработке задачи. Я здесь администратор действий – для меня вопрос будет решён только после переезда коллег в новый офис и выражения благодарности руководству:

– Спасибо!

– Да, не за что...

Оперативная работа

"Полундра! Свистать всех на верх!"

/Пиратское/

Структура нашего заведения очень запутанная и развесистая. Если задачи ставить строго по подчиненности: директор → курирующий заместитель → начальник управления → его заместитель → начальник отдела → старший сектора и т.д., то время прохождения сигнала будет долгим. К тому же отданная подчиненным команда, как правило, искажается по мере прохождения по цепочке, – это как глухой телефон. Если возникает нервная срочность (а это бывает довольно часто всегда), то система переходит на особый режим работы.

Представьте, если б лифт в многоэтажном доме менял свой пункт назначения сразу после нажатия кнопки, без завершения начатого манёвра. Вызвал его на восьмой, и он резко, прямо с дядей Петей (ну этот, знаете с 31-й квартиры) отправился за новым пассажиром.

Мы бегаем по-муравьиному из одной точки в другую за какой-то штуковиной и обратно, сбиваясь по пути и меняя курсы. Назначение и роль самой «штуковины» не до конца известна (как секрет в шкапулке). Пока бежишь по одному делу, перехватывают с еще более срочными вах-вах. Когда работник приходит в исходную точку с чувством выполненного долга, ему говорят: «Всё уже 100 раз поменялось, друг – принесённое надо выбросить воон туда...»

По окончании марафона работнику даётся новое задание, а если начальник вдохновлён на поучения (например, после минувшей только что взбучки), то не избежать лекции о том, как важно в коллективе коммуницировать без слов и понимать контекст происходящего.

Не могу наверняка сказать какие они там книжки все читают, и на какие тренинги ходят (их последнее время множество), очевидно одно – они не помогают. Дело в том, что главные наши элементы организации труда – спешность и «услужливость» – не совместимы с системным подходом. Нет в нашей жизни последовательности и порядка. Когда каждый раз хочется действовать по принципу «раз и в дамках», не до плавности хода.

Организация процесса такая:

Для более скорого и, вероятно, надёжного выполнения задания, горе-шеф по одной и той же задаче запускает несколько исполнителей, но по разным маршрутам – кто быстрее (это как одна кнопка в подъезде на 4 лифта). Директор подпрыгнул – все срочно бросают свою распланированную работу и делают только «вот это вот». СРОЧНО!!! Буря в стакане! Коллектив судорожно погружается в непонятную сутолоку. Разбираться и договариваться между собой, а тем более осмысливать «что конкретно нужно и для чего оно вообще» – некогда. Хватай мешки – вокзал отходит. Задачи сыпятся и корректируются быстрее, чем рассудительный участник процесса сможет понять их логику. Разумно проговорить с коллегами о расстановке сил – нет времени; уточнить смысл своей работы у координатора – некомпетентность и нахальство. От спешки иногда нет возможности даже совершить звонок, потому что навстречу непрерывно звонят: требуют, требуют, требуют, спрашивают и визжат. Общая истерия. Паника.

У каждого как бы одно и то же, но при этом индивидуальное поручение, и на общую безумцу ему уже плевать. Озадаченный не хочет быть крайним или плохим работником, поэтому подключает все свои возможные связи. Он подключает знакомых из смежных отделов или заведений, чтобы те ему помогли справиться с ахинеей, пока не затянуло ещё сильнее. Help, Help, Help me... Количество участников маскарада постоянно растёт, схема расширяется, принимая изящные формы.

В связи с тем, что распорядитель задач далёк от тонкостей проблемы и не представляет какой результат ему следует хотеть, он корректирует цель в процессе исполнения, по ходу поступления новых данных от подчинённых. Поручение успеет кардинально смениться

несколько раз, прежде чем далёкий от бури исполнитель завершит нарезанную ему ещё утром «незадачу». Он как ответственный Лёша добросовестно и кропотливо будет искать нужные данные или подбивать какие-то цифры, в то время как в услугах его уже давно не нуждаются. Напоминает ситуацию, когда пароход уже пришвартовался в порту, а забытые в трюме кочегары продолжают изо всех сил кидать уголь в топку, сходя с ума от жары. У них задача!

Главное «исполнять срочность» без оглядки на весь этот бред и не думать о своих накапливающихся текущих делах – до них когда-то дойдёт свой черёд. Пока тушишь пожары, загорается уже собственная «накопилка», которую сам запустил в суматохе. Дальше будет по тому же сценарию: с разных сторон прибегут «помощнички» и обратив все взоры на тебя возмутятся:

– Ну и беспорядок тут у вас! Чего так запущено?

И так мечемся как неистовые от одного к другому, помогая решать «чужие» неотложные беды и думая друг про друга плохо.

Архив

*От вашего электронного документооборота у меня уже ноги болят
/сотрудник Иван/*

Госслужба – это работа с документами.

Ни одно действие не совершается без письма, отчёта или протокола. Бумага – элемент организации, без неё никуда! Из-за своей близости к социальной сфере, наш орган власти пишет особенно много. На мою персональную долю приходится 5-7 писем в день.

Несмотря на то, что давно уже введен электронный документооборот, бумаги всё равно много. Причем результаты своей деятельности положено подшивать и хранить как минимум 5 лет. Наш архив – это не полутёмное помещение со стеллажами и винтажной лесенкой, что показывают в кино, и не электронная библиотека, а обычное захламлённое рабочее место. Для того, чтобы в случае истерики, оперативно найти требуемый листочек основная масса бумаги складывается здесь же, в кабинете.

Сама подшивка делается не просто так «кому как удобно», а имеет определённые правила с номенклатурой и прочей лебедой. Всё должно быть более-менее логичным и общим, посему нельзя завести отдельную именную папку гигантского размера и складывать туда аккуратно лишь свою переписку. Любыми материалами должен иметь возможность воспользоваться каждый из нас по первому свистку. Уволился, например, человек – это не значит, что отмирают все его наработки. Чтобы мы не изобретали каждый раз велосипед, пишутся единые инструкции и периодически проводятся проверки служащих на их соблюдение. Будь добр делай слаженно и не тормози!

На словах такое требование понятно, но как воплотить задумку на практике?

Документы очень часто имеют ветвистую структуру и охватывают всё на свете: это пришло оттуда, а это отсюда, но по громоздкому делу и с учетом вон того, а здесь бумаги совсем на разную тему, но написаны они в честь одного и того же жалобщика. Пока отыщешь для документа удобное место – начитаешься подшивок, и душа свернётся. «Здесь вот Я целый месяц страдал», – освежается в памяти, – «а вот за это меня чуть не уволили»... Папки наполнены родным прошлым, как старый армейский альбом.

Раз в месяц выбираю денёк посвободнее и начинаю наводить порядок.

Интегрировать свой материал в общие закрома для меня всегда большая проблема, поэтому откладываю до последнего.

Заботливо, как для родного питомца, отыскиваю документу подходящее местечко. Нельзя просто так зашить паЧет по поручению президента в папку «Железные дороги» или «Инновации», если нет соответствующей тематической связи. Даже обращения граждан должны быть упорядочены и связаны между собой. Если дядя Петя по какой-то причине повторно жалуется на свою жизнь (ну этот, знаете с 31-й квартиры), то будь добр, не дробь переписку с ним, и не размазывай её по всему шкафу, а отыщи его предыдущее дело и пополни свежими материалами.

Какой закономерности придерживаешься каждый раз? – нет сил отследить даже за собой. Вот, к примеру, ситуация из жизни: в каком из отделов гипермаркета искать велосипедный насос? В спорттоварах, где стоят велосипеды, или в инструментах? А может вообще в автозапчастях? Не сразуобразишь, не сразу... Здесь примерно так же: есть единое правило, но много спорных моментов. В результате 6 тонн бумаги постоянно перебираются; у адского шкафа непрерывно кто-то трётся с озадаченным видом.

Мы задыхаемся от собственной продукции и собственной «простоты».

Вот мой пакет находит то самое место, где ему будет лучше всего, но возникает сложность, связанная с нашей же человеческой хитростью. Папка-регистратор уже не закрывается от избытка макулатуры, потому что кто-то когда-то не стал заморачиваться и втихую втиснул свои бумаги.

Даже в подшивке документов наши проявляют себя, ни в чём не можем обойтись без пакости. Мелочь (!), но в ней проглядывается вечное.

Можно поступить тоже подло, например, отложить подшивку своего документа до тех пор, пока не найдётся добросовестный сотрудник и не сделает всю подготовительную работу за тебя. Раз уж тут хитрецы, то и ты не хлопай ушами. Если просто завести новый талмуд, то придётся искать новые корки, скобу, заводить опись с разделами и ещё потом думать, куда в шкафу это новоиспечённое добро пристроить. Надо понимать, что тут всё на пределе, а полки давно прогнулись от перегруза; кажется, стукни дверью посильнее и завалит по пояс бумагой. Просто, не получится просто.

Правильный поступок – уменьшить старый архив, чтобы освободить место. Начал (?) – продолжай. Он предполагает осмысленный подход: следует с умом вынуть документы многолетней давности, утратившие свою актуальность, описать и уничтожить их по акту! Здесь тоже дебри: всё старое переплетено с новым. Надо быть внимательным, чтобы не ликвидировать нужное вместе с устаревшим: 7 раз отмерь – 1 раз отрежь, иначе постигнет беда. Перелистываем, фильтруем, правим клятые описи и т.д. Нудное занятие.

За день такой правильной работы подошьёшь 3-4 документа, не больше, а освобожденные папки тут же заполнят коллеги-хитрецы, которые только и ждали таких вот простачков. Архивация бумаг держится на альтруизме и поэтому запущена, как и всё остальное.

Думаю, что времен цифровых технологий и электронного документооборота Я на своем веку не дождусь. Шесть лет внедряем исключение бумаги и пока добились результата только на бумаге: фактически электронка стала дополнением к бумагоходу ногами.

Пару раз пытался скинуть это архивное занятие на студентов-практикантов, но каждый раз жалел. Ребята работают шустро: для них такое занятие не имеет особого смысла. Вырвал – зачеркнул, подшил не туда – да и пёс с ним. После таких них ничего не найдёшь, если потребуется. Лучше Я сам как-нибудь. Выгоднее потратить время сегодня, чем страдать потом, по каждой нужде.

Свой контакт с бумажным носителем стараюсь сводить к минимуму. Заранее, предусмотрительно, нужные документы сканирую и храню на компьютере. Двойной архив и повторная работа, правда, получается, но это всё же легче и быстрее, чем рыться в злосчастном шкафу. Мне он снится иногда со своим грузом.

УПОРЯДОЧЕВАНИЕ ВРАНЬЯ

Рутина

- *Здравствуйте, я Влад, я лгун.*
- *Присаживайтесь Влад.*
- *Я не Влад*

Если в обязанности высших руководителей входит работа в команде и принятие ответственных решений, то задачей матричных служащих, является покорная обработка информационного поля и обеспечение своего руководства нужными данными.

Какими бы размашистыми мазками начальство не «творило» и какие бы абсурдные или противозаконные указания не отдавало, на бумаге всё должно быть прелестно и аккуратно. Реальные действия и бумага обычно очень разнятся и что из этого в нашей работе важнее – вопрос философский.

По умолчанию государство должно быть вездесущим и знать всё обо всём. Объём рутины при таком подходе изначально колоссальный. ВСЁ должно пошагово фиксироваться и учитываться. Когда-то настанут времена, что при замене лампочки в квартире бабы Вали будет заполняться специальный формуляр на 27 пунктов с указанием сроков службы, даты замены, точного времени выхода из строя, количества отработанных часов и пр. Чиновника только подпусти, он вам устроит. Где «наш», там и бесконечная отчётность с переливанием из пустого в порожнее.

Постоянно приходится актуализировать и расширять банк неизвестно зачем нужных кому-то данных. Считаются количество телеграфных столбов, протяженность заборов, количество солнечных дней и пр. и пр. При желании, такой работы найти можно много.

Ко всей традиционной бестолковщине, хорошим «подспорьем» выступает чиновничья выслуживость, изворотливость и умышленная путаница следов. Госпрограммы, отчёты, справки, информационные записки и доклады – всё это требует непрерывной корректировки и увязки между собой в случае даже малейшего вмешательства. Учитывая, что информация не бывает обособленной и расходится непрерывно всюду, стоит только в одном месте наврать или вывернуть показатель, и потребуются наведение порядков в остальных отчётах. Это как влезть с изменениями в табличную программу Excel, где все ячейки завязаны друг с другом посредством сложных формул. Если не сделать это аккуратно, получится вместо ИТОГО – ошибка. Чтобы не допустить бардака, надлежит измудриться. Обслуживание лжи – большой труд и усидчивость. Каждая новая информация должна предоставляться с оглядкой на то, что и где уже засвечено, чтобы не допустить «упс». Это снаружи ничего особо не происходит, а внутри идут такая бурная деятельность, что противно на работу идти. «У хитрого начала обычно скандальный конец», — гласит поговорка, а в наши обязанности входит как можно надёжнее прятать эти самые концы и как можно дальше отсрочить кульминацию. По замыслу хаос должен выглядеть абсолютно подконтрольным порядком.

Когда-то давно Я работал дорожным мастером на участке. В обязанности этого мелкого начальника входит организация труда на объекте с учётом реальных условий и пожеланий руководства. В то время уже использовалась сотовая связь и такая инновация очень усложняла нашу трудовую жизнь. Вместо того, чтобы принимать основные решения заранее, на планёрке, процесс растягивался на весь трудовой день. Каждую смену Я сталкивался с одной и той же проблемой по перестановке сил и техники. Стоило только расставить всех по своим местам (а работников у мастера может быть до 100 чел.), как тут же прилетит новая вводная. Весь день

уходит на комбинаторику и перестройку трудовых процессов под живые и изящные умы. На госслужбе примерно всё то же, только на бумаге с цифрами да буквами.

В любом деле, в любом докладе официальных лиц не обойтись без цифр. Они придают суждению точность и подкрепляют информацию фактами. Когда должностное лицо находится на приёме у руководства, оно, как осведомлённый специалист, будто бы всё знает, и любые данные считает обязательным сообщить сходу. Чем быстрее и увереннее заявлена информация, тем лучше для докладчика. Промедление приравнивается к незнанию, а незнание к некомпетентности с последующим отстранением. Спросил мэр города, как бы между прочим, сколько у нас дворов (?), а удалой докладчик из сферы ЖКХ сходу взял да и выдал – 146 шт!... Не предполагал он, что будет такой вопрос, но не ответить не мог; главное сохранить лицо здесь и сейчас, об остальных частях тела позаботимся потом, – думает он. Последствия для него в столь напряжённый миг не так важны, а мэр взял да и запомнил... А еще хуже – запомнил и сказал кому-то выше, запустив тем самым процесс перетасовки. Попробуй теперь отступить от этих озвученных 146 (?) – ты ж должностное лицо, хозяин своего слова!

Для подчиненных, которые чётко знают количество дворов, такой случай является сигналом к действию: настоящую цифру необходимо завуалировать (отправить в двойную или тройную бухгалтерию), а для мэра теперь применять только 146. Важно не то, что есть на самом деле, а то что запомнило высокое должностное лицо. Чтобы не допустить в дальнейшем путаницы, лучше не просто подменить числа во всех отчётах, а правильно спрятать суть, сделав нужные примечания. Если количество дворов в реальности больше чем «доложили», то следует на бумаге укрупнить позиции и всё равно втиснуть в 146. Пять соседних придомовых территорий легко можно объединить в одну. Когда количество дворов оказывается меньшим чем 146, то лучше некоторые территории символически поделить на половинки (размножить) и подогнать под «озвученное». Главное при таких манёврах иметь правильный красивый миф. В случае возникновения неудобных вопросов или претензий логичные объяснения должны быть обязательно.

Любую цифру можно вывернуть при желании как угодно, этим мы и занимаемся – раздуваем кадило в нужную сторону. В зависимости от развития событий разночтений может возникнуть большое множество; каждому адресату и для каждого случая – свои данные. Бывает такое, что в статистику шлём одно, в правительство докладываем другое, а свою внутреннюю деятельность ведём – в третьих. Всё это желательно фиксировать и не перепутать. Если Юру запомнили Гришей, лучше не перечить и в дальнейшем указывать его Гришей.

У В.Даля запечатлена одна история о том, как вымышленная фигура, из-за ошибки и недоразумения была сочтена реальной.

Однажды придворный писарь, составляя со слов императора Павла I очередной указ о производстве в следующий чин офицеров ошибся и вместо «прапорщики же [такие-то] – в подпоручики» написал «прапорщик Киж». В результате в тексте указа перед реальными фамилиями оказался вписан никогда не существовавший Киж. Когда документ подали на подпись, его величество почему-то решил благородно выделить первого в списке и собственноручно дописал к указу «подпоручика Киж – в поручики (через звание т.е.)». Киж видимо, запомнился царю; во всяком случае, уже через несколько дней он произвёл его в штабс-капитаны. Подобным образом персонаж очень быстро рос в чине и вскоре был произведён в полковники. На этом, последнем приказе о повышении император написал: «Вызвать ко мне».

Кинувшись искать офицера, военное руководство его не обнаружило. Лишь изучив все документы о производстве, удалось дойти до самого первого приказа, содержащего ошибку, и понять, в чём дело. Однако сообщить самодержавцу об истинном положении дел никто не осмелился. Вместо этого подчинённые доложили, что полковник Киж скоропостижно скончался, из-за чего прибыть на аудиенцию не может.

Павел I вздохнул и сказал: «Жаль, хороший был офицер».

Сомневаться в правдивости истории мне не позволяет реальность. То, с чем мне приходится работать кишит поручиками Кижэ. Ни на одни данные здесь нельзя положиться и опереться. Все они сделаны под кого-то, а значит имеют свою идеологическую подкладку, политический подтекст и всё такое.

Есть такое специальное заведение как Статистика, которое по задумке должно аккумулировать у себя все актуальные циферки обо всём на свете. Фактически заведение является только замыкающим звеном в этой цепочке процессов. Статистика – это ведомство, имеющее функцию только сводить готовые данные. Учёт, подсчёт и расчёт всего на свете, за исключением переписи населения, возложен на административный ресурс. Именно мы наполняем статистику своей мифологией.

Показателей, необходимых для оценки состояния дел в государстве великое множество, статистический справочник представляет собой книгу, которую не прострелит пистолет Макарова. Иногда мне кажется, что армия служащих только и нужна, чтобы ежеквартально обновлять эту книжку. Причем служащий заинтересован лгать и приписывать, чтобы не дискредитировать себя. Статистика, как и любая отчётность о своей работе, должна демонстрировать улучшение, а не упадок.

Интересен тот, факт, что в своей реальной работе мы используем официальную статистику в качестве эталона. Приходится ориентироваться на то, что сами же и придумали.

Находясь в роли писаря, важно не забывать о технике безопасности, и не изобретать ложь самостоятельно без соответствующих на то указаний. Ври, да не заверайся, как говорится. Тот, кто из реальных исполнителей-счетоводов относится к данным беспечно, тот рискует остаться крайним за умышленный их подлог под собственным авторством. За любые из сведений могут сильно спросить в любой момент. Кроме того, могут потребовать разъяснений откуда взял и почему именно это так. Важно всегда знать откуда есть пошло, кто инициатор и в какой день... В каждой ячейке ссылочка и заметочка о происхождении; циферки со словами в письме подкрепляется комментариями для себя же. Чуть запустил, не прописал происхождение, и не раскопаешь потом сам – не помогут никакие Шерлоки Холмсы.

Я, например, на постоянной основе веду больше 40 таблиц. По каждому из вопросов своя раскладка и свои связки с источниками. Фиксирую сколько, когда и почему наврал. Услужливая кума – суетлива.

Рутинa – есть то, что заполняет жизнь клерка. Именно она вытесняет душу, освобождает от тоски и осмыслений. Мы как термиты строим свой скромный мирок из бумаг, замуровываем наглухо все выходы к свету и находим в том счастье. Надеюсь, мы никогда не проснёмся, а когда наступит конец, нас учтут в специальном реестре. Учтут безошибочно, без подгонок и скрытых ячеек. Обязательно учтут...

666. Пешеходники

Долгое время Я отчитывался по одному серьёзному поручению президента. Поручено было учесть новые нормативы по обустройству пешеходных переходов, «предусмотрев мероприятия в первую очередь на пешеходных переходах, расположенных вблизи школ».

Важное поручение, на мой взгляд. Наконец-то национальный лидер обратил внимание на пешеходные переходы. Если учесть, что ничего хорошего не делается без личного участия президента и тонет как в трясине, то вмешательство его в насущные вопросы – необходимость. Давно пора всё решать только «отцу нации», раз уж всё остальное здесь такое бестолковое. Например, не решенным никак остаётся вопрос о выдаче халатов на мелькомбинате №7, баба Валя в д.Осиновка не подоткнула одеялко внучке, а у меня плохой принтер в кабинете. До каких пор можно закрывать на это безобразия глаза?!

В этот момент по коридору, словно убегая от пчёл, промчались армяне с ежедневниками под мышкой. Что это, погоня? Любопытно...

Так вот, да, извиняюсь, отвлёкся.

Между тем, поручения президента в своём первоисточнике не несут в себе ничего сложного: они призывают быть ответственнее добрее, и лучше... Президент не поручает сойти с ума и вывернуться на изнанку. Пройдя же через все промежуточные органы власти его поручения приобретают чудные формы, становясь очень трудоёмкими. По мере продвижения вниз, любая задача обрастает дополнительными хотелками, требованиями и опциями. Как правило перепоручение чего-либо подчиненному означает усложнение, ужесточение и сокращение сроков. Заставь, как говорится, дурака богу молиться...

В моем случае региональным ведомствам было поставлено задачей экстренно приготовить стартовый доклад о текущем состоянии дела, а последующие отчёты о ходе улучшения показателей решения вопроса отправлять с установленной периодичностью (чуть ли не каждый день по 2 раза).

По мнению тех людей, которые утяжеляют поручения, сидит где-то далеко в глубинке специалист с огромной ведомостью, в которой сами собою содержатся все необходимые данные обо всём на свете. Он только и ждет момента, когда у него попросят циферку. Хотя, нет (!), им просто плевать...

Данные, которые надо было отправить в Аппарат президента, требовалось собрать со всех собственников дорог (федералы, областники и муниципальщики). Нужно всё это проанализировать, адаптировать и подогнуть; 7 450 строк и 25 столбцов различной ахинеи с самостоятельностью. Следует понимать, что во всех государственных – а по совместительству ещё и информационных – ведомствах сидят люди с самыми прекрасными человеческими особенностями. Каждый хочет вникать как можно меньше, а отмахиваться от бурды по возможности скорее, и поэтому присылает то, что нашлось первым под рукой. Обычно, данные зашифровываются так, что мама не горюй. Спрашиваешь их про дорожную разметку, они укажут что угодно, но кроме неё. Напишут про новые технологии и материалы, укажут общие расходы на транспортную безопасность за последние 5 лет, а если даже и сообщат цифру, то обязательно в таком виде, что вообще не ясно. Разметка может у них измеряться в штуках, метрах погонных, килограммах израсходованного пластика, или потраченных на неё деньгах.

Полученные данные мне, как ответственному Лёше, следовало единообразно свести в одной таблице и наложить их для сравнения на имеющийся уже до этого отчёт дорожной инспекции. Дело в том, что инспекция ведет кое-какую статистику в разрезе интересующих для них мероприятий и отправляет их в своё министерство. Информация просачивается уже давно и с этим лучше считаться. Цифры не должны разниться с ними, иначе будут вопросы. Мы должны детализировать картину, но не менять былое. Нельзя, чтобы среди четырёх ранее

заявленных туфель обнаружилось 2 красных и ещё синий. Враньё должно быть правдоподобным.

Когда Я «быстренько» собрал всё необходимое, выяснилось, что материал непригоден для учёта: цифры не сходятся с заявленными Полицией вообще. Каждый из собственников дорог, из-за спешки, считал у себя «два плюс палец» и отправлял без особых заморков. Всем плевать! Возможно и инспекция ранее считала точно так же.

У меня на столе лежали отчёты от каждой из сторон, общее расхождение по которым составило 2 000 пешеходных перехода. Плюс-минус тысячи – это слишком много даже для государства, не говоря уж о губернии. Не может произойти резкий скачок на 20%. Подозрительно, грубо и опасно...

Чутьё подсказывало, что нужно искать истину, пока не поздно. Не зная правды – а она может быть вообще далека как от всех этих ведомостей – запускать ложь через себя дальше – чревато последствиями. Передать наверх цифры значит согласится с ними. Там доложат кому следует, и потом будет невозможно переиграть. Первые отчёты – дело крайне ответственное. Если напутать данные в отправной точке, в дальнейшем придётся вести тройную бухгалтерию, лить горькие слёзы, а может даже остаться крайним за всю вселенскую безблагодатность.

Если сейчас принять данные от собственников дорог за константу и плюнуть на старенькую таблицу инспекции, то обязательно нагрянет проверка по исследованию скачка показателей. Пояснения, разъяснения, выезды, осмотры... Все эти разночтения ползут наружу, как кашель. Выяснится, что ни те, ни другие не правы, а Я не разобрался и вообще их всех умышленно прикрывал. Это называется приписки в государственной отчётности и подлог данных, что вообще никак не допустимо. Одним нареканием «Распушта!!!!», как это делала моя учительница в школе, не обойтись.

Выгонят, и рекомендуют никуда не брать.

Нужно разбираться! Все это желательно быстренько собрать, пока не налетели злые птицы.¹⁴

«Как бы то ни было, Полиция по линии министерства уже докладывается давно и логичнее было бы придерживаться их цифр», – думалось мне. «Даже если они там были 9 000 раз небрежными в своих подсчётах, рубить сейчас неумно. Только плавность хода позволит нам не будить лихо. Зачем привлекать внимание? Будем искать правду и выявлять тех, кто фальшивит, но наверх об этом ни слова. Врём, как и ранее, а сами тем временем пытаемся разобраться. То, что выяснится, станет маяком для щепетильной и осторожной подгонки данных в последующих отчётах.

Ложь успевает обойти полмира, пока правда надевает штаны. Прав был Черчилль, хоть и жил давно.

В ходе написания информационного письма в том стиле, которого требует руководство, в одном месте получилась численность 666, что очень не устроило вице-губернатору в связи с его суеверностью. Он поправил пару шестёрок на семёрки и сказал: срочно подогнать отчёты инспекции под новое число.

Как не пытались мы спасти положение всё ж споткнулись на такой никчёмности.

Я как никто другой понимал, что подмена цифр для ребят в погонах сулит беды на их головы. Предлагал редакцию текста с уходом от злосчастной цифры. Лучше обыграть словами или смыслом, чем звонить в министерство внутренних дел и говорить «мы ошиблись». Начальство было непреклонно – подозреваю, что садистские наклонности помогают им сохранять бодрость духа, а также продвигаться по службе.

В результате, тот полицейский, который звонил, уже не работает сегодня. Кто-то на нём всё же сделал карьеру. Слёзные просьбы «не выдавать своих» – не помогли. Кроме всего про-

¹⁴ Константин Ступин

чего, та попытка «поправить» спровоцировала интерес ко всей нашей отчётности. На карандаш попало много служащих, подтасовки в отчётности полезли как из рога изобилия. Какие только гении закона и спецотделы морских копов нас потом не проверяли. Я даже и не знал, что может быть столько проверок по одному пустяковому дельцу.

Рывки в верхних эшелонах власти – зло.

Стоило только Вице-губернатору проявить прихоть, и машина тут же наказала податливого исполнителя. Подсобил шефам...

Лучше б этот суеверный самодур от 13 зарплаты отказался. Сволочь.

Всё кривое

Картотека на Почте:

– Абакумов, Авакин, Авриков, Авакян – **ЧЕБЫШЕВ!**...

– Барашкин, Букинеев, Бушмакин –

РЕЖ (город)!

/Уральские пельмени/

Как же всё усложнено здесь: неоднозначно, да с примечанием. Иногда кажется, что это умышлено так организовано. Где-то наняты люди, которые всё запутывают, чтобы работник всегда ощущал себя деморализованным. Сбить с толку, запугать и обвинить, – у кого-то явно стоит такая задача. Человек не должен чувствовать твёрдую почву под ногами; лучше, когда он находится в недоумении в тревоге. Единообразие – зло.

При этом замороченность даже на бытовом уровне. Несуразные вещи здесь дополняют друг друга и разделяют функции по запутыванию бытия Департамента. Двери в кабинеты и те отворяются в разных направлениях, будто у каждой из них персональная вселенская миссия, не привязанная к фактическим потребностям. Подписаны они обычно ложными табличками и дезинформирующими номерками. То, что находится в помещении, очень редко соответствует тому, что указано на табличке. За надписью «бухгалтерия» или «отдел дорог» есть вероятность обнаружить кого угодно, кроме предполагаемого бухгалтера или дорожника. Может быть два 205 кабинета с заколоченными наглухо входами и доступом только через 207. Кто ранее не бывал у нас – умотается в поисках, а тот, кто бывал всё равно наткнётся на неожиданность из разряда «всё недавно поменяли». Упс, и не угадал – опять неразбериха. Профсоюзная столовая, как по умыслу, расположена таким образом, что дилетант, или просто случайное лицо, туда самостоятельно не попадут ни при каких обстоятельствах: ни по схеме здания, ни по подсказкам доброжелателей, ни по даже запаху борща, тефтелей и компота. Секретный объект!

Согласующие документы лица сидят на разных этажах и перемещение между ними осуществляется по лестничным маршам, находящимся в противоположных блоках здания. Нельзя просто взять и подняться на 4 этаж, нужно пройти сложную схему переходов и дверей на замках. Чтобы подписать документ (а их всегда много, и они срочные) снуём между начальниками по лабиринтам. Физкульт-привет!

Весь рабочий день в офисе соткан из акробатических этюдов и технических сложностей. Красные ручки пишут чёрным цветом, а оргтехника функционирует очень капризно.

Оргтехника! Самостоятельное устранение неполадок категорически запрещено т.к. доступ требует прав администратора. При любом сбое следует оставить заявку и запастись терпением. При малейшем «упс», сидим в ожидании обученного человека. Бывает, неделями предвкушаем, а то и месяцами! Нас тут много, а их всего два. Да и к тому же расходные материалы ещё не подвезли, нужно заказывать через госзакупки, ну вы знаете...

– Пока ждём, вот тебе убогое убожество из прошлого века – поработай пока на ретромо-биле¹⁵, – это лучше, чем ничего!

Служба снабжения и компьютерщики здесь такие же чиновники, как и Я, в чьи задачи входит «закрыть задачу», а не решить проблему. Есть задача обеспечить, – обеспечил, а про качество оборудования ничего не говорилось...

Они как моя жена, которая ставит на стол запечатанную сметану и кладёт в дорогу невымытое яблоко. Отмахнулась – дальше сами...

¹⁵ Подразумевается устарелое компьютерное и телекоммуникационное оборудование

Когда Я работал на стройке, с таким подходом там тоже приходилось сталкиваться, правда чуть реже чем здесь. То автокран пришлют без строп, то автогрейдер без среднего отвала... На все возражения был бессовестный ответ: «Качество и комплектность техники не оговаривалось в заявке». Все ни при чём.

Формально, всё вроде как ЕСТЬ, только нет никакой возможности и малейшего желания этим пользоваться. Зазоров для уродского исполнения своих обязанностей, особенно когда нет прямой ответственности, всегда достаточно.

Недавно мне на компьютере переустановили OS; сделали это в классическом стиле – из рук вон плохо. По предсказуемому стечению обстоятельств перестали работать 2 из 3х USB порта, – и признаться это целая проблема. Теперь приходится выбирать между устройством для цифровой подписи, которым пользуюсь 8-10 раз на дню, и принтером, востребованным еще чаще. Перетыкай гнезда, друг, и не гунди.

Не критично, говорят.

Когда-то в нашем закутке на трёх человек было 2 принтера: малый – для документов и большой цветной – для слайдов и картинок, которые очень любят начальники. Маленький, из-за своего значительного износа, начал мазать матрасом полосы на всю страницу, да так явно, что стыдно людям показать... В документах небрежность и пачкотня недопустимы: мелкое убожество не должно портить лицо госоргана. Из-за организационных проволочек починить его оказалось делом невозможным, а заменить устройство на новое ещё сложнее: пару лет уйдёт. Теперь пользуемся большим (дорогостоящим) струйником, который подключен к общей сети.

Эта громадина является общим крупноформатным принтером для всего департамента, и поэтому напечатать на нём что-то быстро – не получится: файлы печатаются согласно общей очереди. Кто что отправил на него вместе с тобою из других кабинетов – пойдй разбери. Прежде чем что-то отправить на печать, нужно убедиться в правильности установленных настроек, перекреститься, и не дышать. При каждом сеансе требуется проверить заполнения всех полей настроек и сбегать до аппарата, потыкать настройки и вставить правильную бумагу в лоток. Надо тебе, например, страничку напечатать, а там от предыдущего пользователя задан формат А3 с горизонтальной и двухсторонней печатью. Беда!

Маленький принтер наделал делов, хоть свой носи из дому, чтобы нервы целее были. Был у нас один работник, который принёс для своего рабочего места всё своё, вплоть до кресла. Он работу выполнял на своем компьютере сидя в своём личном кресле, а казённую технику использовал только, чтобы интегрировать файл на казённый сервер и запустить его по электронному маршруту согласования. Двойная работа у него получалась, всем ясно, но делалась она проще и быстрее, чем у нас.

После долгих заявок трудящихся и обоснований целесообразности, наше управление обеспечили сканером. Мы были очень рады: он освобождал нас от необходимости бегать через 20-30 минут на другой этаж и просить коллег о помощи. Т.к. больше всего это устройство нужно было мне, подключили его через мой компьютер (к тому же настроить через сетку у сисадминов не получилось: им было не до возни). Теперь каждый день «отсканируй листочек» у меня просят как минимум 15 раз. Я засекал. Это действие забирает много времени и отвлекает. Происходит это не только потому что Я криворукий и тупой, а потому что операция требует какого-то хитрого ритуала. Подача стопки сверху не функционирует, поэтому надо листочки поочерёдно класть на стекло и нажимать настройки «сделать скан→цветной→тип файла и т.д.».

Каждый полученный скан требует отправки адресату по электронной почте. Отправка тоже выполняется очень мудрёно. Кликнуть на файл и выбрать строку «отправить» не выйдет т.к. программное обеспечение установлено криво. Каждый раз надо пересохранять файл из папки сканера на рабочий стол, а уже потом заходить себе на почту и нажимать «прикрепить

файл», отыскав его среди других документов. Это ладно ещё, что аппарат теперь перестал совмещать в себе режим «принтер» (из-за поломки). Раньше, если во время сканирования кто-то отправлял на печать, то всё – конец! Всё висло и требовалась перезагрузка компьютера. Комбинация клавиш control-alt-delete не спасала, маты в порыве гнева – тоже. С этим даже сами программисты не стали разбираться. Говорят: некогда им тут, и не просто это совсем.

Каждый день, стандартно, требуется перезагрузка OS Windows и лёгкий сервис всего офисного оборудования. Процедура перезагрузки компьютера подразумевает повторное включение десятка обязательных служебных приложений и ожидание их отклика. Я с этой процедурой до последнего тяну: «Очнись, очнись родной, – молюсь в монитор, – ещё чуть-чуть».

Всё работает меееедленно, косенько, да с затеей.

Кому-то может показаться, что плохая работа оргтехники это всего лишь досадная мелочь, о которой не стоит печалиться. Может быть в других местах это и так, но не здесь. Оргтехника эта наши орудия труда; маленькая поломка и работник уже бесполезен, какая бы у него светлая голова не имелась на плече (редкость, но бывает).

Таксист не может доставлять пассажиров к указанному месту в срок, если он передвигается на стареньком ненадёжном автомобиле. Будь он хоть золотым человеком с повышенной ответственностью – ничего не выйдет; всегда что-то сломается и подведёт в самый ответственный момент. У нас вот также: только возникнет спешка, сразу затык.

– Дай-дай-дай. Ааааа! – бегают вокруг. – Глава города висит на телефоне и ждёт от тебя цифру... Распечатай картинку, вся комиссия в ожидании... Быстрой.

Хватай мешки вокзал отходит.

На днях очередной раз вышла из строя клавиатура. Явно, драйвера установлены криво, и поэтому жгут устройства. Выдали вот новую, которая совсем без проводов. Всё стильно и удобно, но элементы питания в перечень расходников не входят; их правительственная служба снабжения не закупает! Сбегай в ларёк Госпечать, если надо. В офисе неотложных дел куча, а Я тут скачки устраиваю с организацией рабочего места. Интересно, токари-фрезеровщики на заводе резцы себе тоже сами покупают? Маслёнку им жена в пакетик кладёт вместе с бутербродами?

Сделал «клаву», перестала откликаться почта. Переустановили специалисты что-то там, и комп сам перезагрузился; теперь доступ к папке запрещен! Странное дело, даже не посмотреть накопленные от переписки контакты, не говоря о той информации, которая «внутри». Как вот офисному обитателю без электронки? Совсем беспомощные мы без нее.

Придётся временно пользоваться своим личным e-mail. Мало того, что пользование им на службе может трактоваться «разглашением данных», так ещё и наладка нового канала связи уйму сил отнимет. С каждым нужно созвониться, объяснить, что слать документы следует не «туда», а «вот сюда», проговорить новый адрес по буквам. Рот с мылом!

Служебную электронку восстановят конечно же, спустя пару недель, но коллеги, привыкшие к моей «личке», продолжают писать туда; отучить их скоро не получится – придётся в режиме онлайн мониторить 2 ящика. Вспоминай потом, в случае надобности, где вёл переписку, когда такой бардак... Да и выполняют свою работу компьютерщики всё равно из рук вон плохо: заархивируют файлы [куда подальше], насоздадут дополнительных папок, чтобы в случае обращения к старой переписке пользователь умер в поисках нужного сообщения; сделают накопитель минимального размера, чтоб Я чистил его почаще, и не засорял сервер. Ничего хорошего ждать от наших электронщиков, как и от всех нас, не стóит. Работа нацелена не на пользу дела, а на «обозначение внимания», всё для галочки – лишь бы отмахнуться.

Электронная почта для нас наиважнейшее средство коммуникации, в которой фиксируется очень многое. Перебои в ней могут подкинуть серьёзных проблем, вплоть до публичного скандала с поисками виноватых. Однажды Я не отправил по электронной почте срочный запрос одним «плохим парням» – а по ней мы всё шлём сами (вместо делопроизводителей), – и полу-

чился «обосрамс на ровном месте», как потом назвал это мой любимый шеф. Получилось это просто: при отправке сообщения в диалоговом окне показалось уведомление о переполненном ящике и это заставило чутка отвлечься. Пока удалял всё лишнее, меня закружили в привычной манере в более срочных делах.

«Обстоятельствами можно объяснить что угодно, но они не приемлемы в качестве оправданий» – говорили мне менторским тоном. Чуть не затюкали потом за этот конфуз. Думал не оправлюсь.

Помнится из-за текущих сокращений затеяли небольшой обмен кабинетами. Что сложного? Компьютер под мышку и пошёл, так неттт. Номера телефонов остались с привязкой к помещениям – подпрыгивай теперь... Чтобы перенастроить, нужно обратиться в специальное телефонное ведомство, по письменной заявочке и обождать. Ну а пока вот привыкаем к новым номерам, переключаем друг на друга чужие звонки и радуемся жизни. Через месяц обратно переключат, и по-новой будем привыкать. Ну а там может ещё раз переезд затеим...

Такая организация рабочего места создаёт дополнительные помехи, усложняя и так непростое. Не pit stop так новые правила, не новые правила так сумасшедшая бюрократия. Сделано всё возможное, чтобы на основные функции не оставалось времени, сил и желаний.

Вместо наведения порядка в этой части, система заботливо обвешивает нас всякими антикоррупционными тестами в режиме онлайн, программками учета рабочего времени и блокираторами действий. Себя с трудом обслуживаем.

Не так давно, «в связи нарастающими политическими противостояниями между Сверхдержавами»¹⁶, нам принудительно (а здесь только так!), на правительственном уровне, было навязано антишпионское программное обеспечение «Либре-офис», взамен старого доброго MS Office (не думал, что когда-то с таким теплом отзовусь о нём). Считается, что через Office заморские хакеры могут проникнуть в мой компьютер и запустить ракеты с ядерными боеголовками, или что хуже – подглядеть что-то ценное. Официальная версия такова.

Если в запуск ракет ещё как-то можно поверить, теоретически, то в шпионство Я вообще не верю: разобраться в том, что мы пишем – НЕВОЗМОЖНО. Многие тут у себя перестали что-то понимать, какие там шпионы? Какой заяц? Какой тулуп? Какая блохаааа?¹⁷

Та информация, которая имеется на серверах органов власти способна сбить с толку кого угодно.

Внедрение этого чуда как-то странным образом совпало с ажиотажем по всеобщему импортозамещению. Скорее всего, ведомства, занимающиеся информационными технологиями, как и все прочие казённые заведения, следуя спущенному сверху поручению, в погоне за отчётом, не смогли ничего лучше придумать, как импортозаместить Office.

Процедура спешной замены зарубежных товаров на отечественные коснулось многих. Мой друг, который работает гинекологом в областной поликлинике, рассказывал, что у него который раз во время операции происходит возгорание отечественного химсостава для обеззараживания. Мадам у нас, говорит, полыхают под наркозом, прямо в кресле. Эх, Юра, Юра. Знал бы ты как мы полыхаем тут из-за таких вот решительных мер, спущенных сверху. Жаль, что рассказывать долго. Под кружку пива мой рассказ не сгодится.

Все наработанные ранее экселевские документы в этой отечественной програмульке вообще не отражаются: они показывают птичью грамоту. Работать в Либре не столько трудно, сколько утомительно. Так уж устроено, что мы результаты своего труда часто отправляем куда-либо на сторону. Из-за не повсеместного распространения Либре, файлы с его эксклюзивным расширением .odt или .ods получатель со стороны почти всегда не может распознать. «Не открывается! Переведите, пожалуйста в доступный формат, – отвечают – ничего не хотим знать

¹⁶ Из циркуляра 2014 года

¹⁷ м/ф Ух ты, говорящая рыба!

– обеспечьте». С лёгкостью (!), да только Office вот у нас стоит на единственном компьютере на всё управление, и то по секрету – не официально. Чтобы перевести надо очень сильно постараться, проявить смекалку и срочно набегаться. Ещё не факт, что трансформация пройдёт без потерь, а не с заменой цифр на иероглифы и утерей формул в ячейках. Может получится что угодно. Либре-офис уничтожил километры нервов наших сотрудников. Многие из ребят принесли уже из дома свои личные ноутбуки и облегчили себе участь. Интересно, полицейские с такой вот бюрократией, наверное, тоже предпочитают из личного оружия стрелять?

Причем подмечено, что поручение правительства о необходимости перехода на новую программу и ежеквартальные формы отчёта по нему, составлены в классическом Word. Поддержим отечественного производителя, было сказано в Айфон из английского кресла.

Даже те, кто не работают в таблицах, а просто печатают письма как на архаичной печатной машинке, столкнулись с проблемой «не открывается документ». Надо периодически заходить в диспетчер задач и отменять процесс с расширением .bin (до сих пор не знаю, что это). Замечено, что при помощи Либро вкупе с нашим прочим программным обеспечением частенько невозможно открыть два документа (письма) одновременно. Вот надо тебе, работник, создать версию письма путём добавления абзаца из другого письма. Будь добр открой Либро-файл, скопируй текст в другое место (например, в блокнот), а потом уже из этого промежуточного хранилища перетаскивай в нужный документ. Либо распечатывай и от руки набирай заново, да. Это не божий промысел, явно.

Теперь вот новая вводная: каждый комп должен иметь пароль и не быть доступным для коллег (чтобы исключить перепирательство в случае чего). Простые пароли для всех не прокачтывают – это проверяется. При отсутствии работника по болезни или из-за отпуска компьютер не имеет право работать...

Проблема! Мы тут «все занимаемся всем», а плагиат в органах власти бесконечен: для единого стиля текстовки заимствуются друг у друга чуть ли не в обязательном порядке. Про цифры, которые кочуют по отчётам, вообще лучше не вспоминать и не злить себя. Как быть, если человек чуть-чуть отсутствует по уважительной причине? Что делать, если он обладатель ценной информации? Например, мой ретромобиль становится резко востребованным в течении 15 минут после моего ухода с рабочего места. Кто-то что-то отсканировал, кто-то что-то ищет из моей практики, кому-то подай строчку из последнего доклада. А где у тебя? А сколько там? А ты не помнишь? Мы все пользуемся компьютерами коллег без разрешения и зазрения совести: это работа и мы все взаимозаменяемы. По новому распорядку придётся от беспардонности отвыкать.

Умный оптимизатор придумал создать общий файлообменник, и туда прикреплять всё, что требует общего доступа. Всё у нас классно придумывается, но как-то оно не облегчает жизни. Здесь же такое бурление всего на свете, что Я у себя не всегда могу найти то, что требуется, а тут еще и общий архив, который требует постоянной синхронизации с моим ПК. Потребуются новые правила сохранения файлов, номенклатурные группы, назначение ответственных за ведение и пр. и т.п. И это оптимизация? Точно?

В качестве основного средства связи установлены IP-fone, которые регулярно не работают. Чтобы не сидеть сложа руки в ожидании сеанса связи, звонить приходится со своего личного телефона и оставлять следы. Распространение своих контактных данных чревато звонками от всех, кому не лень, в любое время суток. Работа начинает заполнять личную жизнь.

Даже если телефон работает исправно, то номер его, обычно, принадлежит нескольким пользователям. По каждому вопросу должно отвлекаться как можно больше людей. Удобная схема: телефон звонит непрерывно, а работники угадывают по цифрам, кто на этот раз нужнее и кому ответить.

Для ещё большего усложнения и без того непростого, постоянно придумываются негласные правила. Они не написаны в инструкциях и законах, но всюду. Даже согласование доку-

ментов осуществляется с учётом индивидуальности местечковых царьков. Каждый требует так, как ему удобнее, и попробуй возрази.

Этому положено носить только на плотной бумаге, после обеда, и в случае, если дверь приоткрыта, а вон с тем нужно согласовывать предварительно по e-mail, и обязательно проговаривать каждое своё действие...

Вчера запрос пришел с резолюцией заместителя губернатора «направьте информацию и уведомите в копии меня». Обычного человека можно уведомить просто, указав его адрес – «в копии: Обычному человеку»; написать же «копия: заместителю губернатора» – уже нельзя, даже если прописать каждое слово с главной буквы. Требуется отдельный бланк, отдельные пояснения и персональный стиль. Будь добр запустить уведомление отдельным маршрутом, а к бумажному носителю для канцелярии прикрепи записочку, что так, мол и так... Иначе проглядят там, а отвечать потом тебе. Каждый порог бурной реки надо пройти на ручном управлении и проконтролировать.

Как только все привыкли и запомнили требования, в схему внедряется новый персонаж, и правила тут же дополняются его пожеланиями.

Веду для себя простую напомуналку «что да как». На каком-то этапе осознал, что сам перестал понимать происходящее. Если наблюдать за нами со стороны, то создаётся впечатление, что действия вообще не логичны: требуется шаг вперёд, а он делает 3 шага назад, прыжок и обход слева. Невидимые бюрократические препоны, в которых не каждому дано сориентироваться.

У Станислава Говорухина есть фильм с хорошим названием: «Так жить нельзя». Так вот, братцы, так нельзя!

Не думай, не разбирайся и не запоминай

– Клату... Верата...

Некти-Нектар-Никель-Нудли...

Это слово на «н». Это слово определено на «н».

Клату, Верата, ни... кхе-кхе...

Вот и ладушки! Вот и все!

/Эш из х/ф Зловещие мертвецы-2/

Когда работаешь с большим количеством информации, которая нуждается в постоянной подгонке и миксовании, то теряется необходимость её запоминать как мантру и уж тем более вникать. То, что написано вчера, не актуально сегодня, а то, что отправлено в один адрес, не годится для другого. Информация теряет свою актуальность очень быстро. Всё меняется в зависимости от политической обстановки, настроения начальства и самого получателя. Классический служащий не помнит даже простейших чисел из тех, с которыми работает. Любая цифра, что врезалась случайно в память – уже устарела.

Что здесь является правильным, а что нет, – это большой вопрос.

Здесь даже точное количество населенных пунктов области в разных отчётах фигурирует разное. Для каждого ведомства и случая подсчёт данных индивидуален.

Например, если любого нормального человека спросить, сколько комнат в квартире, то он, наверное, назовёт количество комнат без учёта санузла, кухни и балкона. Методика подсчёта общепринятая и закреплена в нормативных документах. Так считают риелторы и логичные люди. Конторский же червь думает делает иначе. У него всегда двойные стандарты, а данными он крутит как цыган солнцем; каждый показатель считается в удобном для идеологии ключе, в зависимости от преследуемого интереса. В ход идёт подмена единиц измерения, манипуляция статистикой, игра слов и специальные методики подсчёта – «в том числе...» и «без учёта...». Для ситуации, требующей приbedниться, будет скромно указана ЖИЛАЯ площадь с округлением в меньшую сторону, а для хвастовства журналистам или начальству, учтутся даже общедомовые квадратные метры вместе с площадью подоконников. Дважды два у нас никогда не бывает четыре: оно зависит от политического заказа.

С таким подходом информация об одних и тех же квартирах будет сильно варьироваться. Чтобы воспользоваться любыми данными, нужно знать много «поправок на ветер». Сомневаться лучше даже в том, что написал позавчера сам.

Эта замороженная хитрость играет с нами злые шутки.

Разные отчёты уходят в разные ведомства (статистика, СМИ, министерства и т.д.). Рано или поздно предоставленные цифры пересекаются и получаются разночтения. Чтобы утрясти неразбериху, официально готовится новая ложь с объяснениями причин возникшего недоразумения. Вообще, хитрая трактовка информации – главная цель исполнительной власти. Не зря власть названа исполнительной, не зря... Раздувание из мух слонов и укрывание скелетов в шкафах – это наша работа. Здесь целое измерение суррогатов и мифов; всё умышленно искажается, в том числе язык. Мы сочиняем непрерывно. Ложь в виде приписок, сомнительных данных и удобных фрагментов, вырванных из контекста, принимается за аксиому при построении системообразующих теорий. На основании такой сомнительной информации рождаются нормативные правовые акты и законы.

Пользоваться тем, что мы «делаем» так же опасно, как руководствоваться при полёте воздушного судна данными неисправных приборов. Хочешь высоту 8 000 м? Получи! Хочешь роста скорости? На!

Помните вопрос смены часовых поясов и времени зима-лето? Каждое из диаметрально-противоположных решений было научно обосновано и доказано.

Госслужбу обычно связывают со стабильностью, но это обман. Стабильная здесь только ложь. Даже само классическое представление об этой сфере – уже неправда. Всё замешано на обманах, вывертах, подтасовках и прочих негодяйских штучках.

Если человек не враг своему здоровью, он не то что перестаёт отстаивать истину, он её перестаёт отличать от суррогатов.

Привыкая к абсурду, дезинформации и нелепице, перестаёт запоминаться даже то, что действительно важно. Однажды поймал себя на мысли, что мозг не желает отложить в памяти несколько четырёхзначных номеров телефона для корпоративной связи. Что-то внутри подсказывает, что эта информация лишняя и вскоре обязательно поменяется. Завтра будут новые люди с новыми номерами или вообще без номеров. Не нужно забивать голову ерундой.

Кроме табличных круговоротов здесь много работы с текстовым материалом. В нём кроется подвоха не меньше чем в цифрах. Любое письмо органа власти – документ, требующий осторожности. За каждую неудачную букву, отправленную на сторону, можно очень сильно пострадать. Тот, кому адресован текст, по нашей же методике, просеет его через 250 сит, вырвет из контекста интересные фрагменты, извернёт и выложит в свободный доступ, а то и сходит в суд. Каждое действие, решение и даже строчка могут быть истолкованы как угодно, оспорены и направлены против своего автора. Всегда найдётся хитрый юрист, который использует слово с выгодой для себя. По ту сторону баррикад благородством и не пахнет.

У Боба Гейла есть фильм–притча «Трасса 60», в котором тема юридического формализма показана очень хорошо. Там юристы кидались на людей и друг друга по каждому поводу. Главному герою нужен был юрист, чтобы нанять юриста... Мы здесь сидим в тех же условиях. В своих письмах нужно быть предусмотрительным и уклончивым. Изъясниться на простом сельскохозяйственном языке для всех легче, но опасно. Писать логично, последовательно и «как есть» здесь отучаешься методично ежедневно. На всё есть официальные и кулуарные установки.

Чтобы хоть как-то соблюсти все эти обусловленности, выполнить порученную задачу – вписать существующий абсурд и трансформировать информацию в выгодную для власти форму – исполнитель как бы черствеет. Он уходит в личину и перестаёт думать над сутью происходящего или хотя бы формулировками, ему становится всё равно. Ничего не удивляет и ничего не режет глаз. Любая нелепица читается как материал в кавычках. Мы на полном серьёзе подаём отчёты о наличии опыта строительных компаний в гектарах, пишем с умным видом о работе экипажей неотложной помощи по «утверждённому расписанию». Это текст(!) и не более. Опытный служащий машинально копирует статьи закона или выдержки целиком, чтобы как можно меньше добавлять отсебятины, не думать и не отвечать за это. Вырвал из контекста, шлёпнул, и пусть отвечает тот, кто начальный источник. Разделы писем и абзацы воспринимаются как детальки пазла. Никаких изобретений – только комбинаторика. Не дай бог ломать лишней раз голову над происхождением чуда и поисками нового слова, – это по настоящему мучительно.

Как-то раз Я готовил приказ департамента о весеннем закрытии дорог области на период распутицы. Нечаянно включил голову, полез не в те дебри и тут же вляпался. В перечне дорог, закрываемых для тяжеловесного транспорта, глаза зацепились за название населенного пункта, написание которого вызвало сомнение. Тарам – парам – пам... ЮЖНО ПЛЕТНЕВО. Оп! Что за ЮжнО? Разве может быть так написано? Может какое-то старое наречие или опечатка? На всякий случай глянул в государственный перечень автомобильных дорог и статистический справочник населенных пунктов. Так и есть, кто-то когда-то из «нашего брата» допустил опечатку и Южно-Плетнёво перекочевало в таком вот исковерканном виде – без тире. Между тем,

названия объектов – они как порядковые номера, их нельзя исправлять и приукрашивать по зову сердца.

В письмах приходится использовать эти кривые названия буквой к букве, соблюдая даже лишние пробелы между ними. Мы должны соблюдать точность написания, даже если выглядит это нелепицей: «проезд до д.Южно-Плетнёво (через дефис) обеспечивается по дороге «Речной – Южно Плетнево (без тире) – Татарский». Если письмо зачитает какой-нибудь въедливый знаток языка, он однозначно закрепится в убеждении о тотальной безграмотности официальных лиц.

Тот, кто допустил опечатку в перечне дорог, уже вряд ли ответит за свою невнимательность, ну а мне сама судьба сулила подставиться.

– Может быть даже к лучшему, что Я зацепился за эту опечатку, – успокаиваю себя. – Если разглядел Я, то и согласующие начальники будут задавать вопросы. Вот они обратят внимание, спросят, а Я бац и отвечаю, сходу. Дополнительные очки за предусмотрительность... Приятно! Другое дело, что всё останется на том же месте. И десятки-сотни раз это ЮЖНО ПЛЕТНЕВО будет раздражать. И каждый раз все будут отмахиваться. Не надо думать об этом... – проходите, не задерживайте.

Между тем, чтобы выправить название дороги выясняется целая эпопея, – не зря тут так «сложилось». Для внесения официальной поправки издаётся новое Постановление правительства об изменениях в Постановление правительства. Нормативно-правовой акт протаскивается (именно это слово) через Президиум! Пояснения, разъяснения, обоснования и согласования. Морока морочная. Уйдут месяцы труда. Если подходить к этому делу профессионально, нужно не думать о всей картинке, а автоматически отписывать задачи дальше. Пришло – отпиши тому, кто ответственный. Решил с чего-то вдруг на этот раз сработать по-человечески, чтобы лишний раз не заниматься писаниной. Обратился к специальнообученной и ответственной по этой части коллеге. Таких недочётов-опечаток в нормативке выявляется множество и по ходу их накопления выпускаются соответствующие актуализации документов. Как-никак целое войско осьмиглазых юристов-госслужащих работает над «исправлением навороченного ранее».

По моей задумке предполагалось без лишней возни присоседить своё замечание к уже имеющимся наработкам.

Привожу переписку с этой коллегой:

From: Иван Галаев

To: Юлия Владимировна

– Нужно будет внести изменение при следующей корректировке перечня дорог в наименование «Речной – Южно Плетнево – Татарский»

From: Юлия Владимировна

To: Иван Галаев

– Что изменилось с этой дорогой? Наименование такое же.

From: Иван Галаев

To: Юлия Владимировна

– Южно Плетнево!!! Как-то не совсем литературно

From: Юлия Владимировна

To: Иван Галаев

– Что Южно Плетнево?! Наименование из перечня на сегодня: «Речной – Южно Плетнево – Татарский»

From: Иван Галаев

To: Юлия Владимировна

– Что Южно Плетнево? Ничего Южно Плетнево! Считайте, что Я родом из с.Круто Камышино, а президента вчера навещала делегация из СеверО Кореи.

Похоже, не пробить. Как с виртуальной Siri на iPad, ей богу. Придётся инициировать «проблему» официально.

Интересно, она специально не желает видеть деревья в лесу? Или Юлия Владимровна настолько адаптировалась к системе, что уже не чувствует прекрасного родного языка. Этот работник при подготовке ответа заявителю процитирует пункт закона с точностью до буквы и даже не поменяет склонения.

Наверное, каждый из нас (людей) читал такие письма, в которых непонятно, о чём речь. Чего там люди-человеки, мы, служащие, от общения друг с другом готовы выть на луну.

Пока разбирался с ЮжнО Плетнево, в рассылке появилось экстренное сообщение:

Срочная смена бланков! Очередной трах. Это уже четвёртый раз за год, друзья.

В пояснении указано, что в связи с принятием нового закона о внесении изменений в закон о законе по гербам и флагам, теперь следует все документы отправлять только с новой символикой.

Предполагается, что новый бланк в отличие от старого не имеет сплошной заливки герба и поэтому должен сэкономить нам краску в принтерах. Замечательно! Отлично придумано.

Внутренняя инструкция по делопроизводству требует немедленного исполнения нового норматива. Письма, которые ушли сегодня и вчера на подпись, должны быть отловлены в кулуарах власти и переложены на новый бланк. Всё надо сделать оперативно, чтобы не просохатить сроки исполнения документов, иначе за допущенную просрочку вынут душу и лишат премии на год вперед. Пару человек могут даже уволить сократить.

Для стороннего наблюдателя такое нововведение может показаться сущей мелочью, но не для нас. Оно как изменение схемы движения уличного движения или общественного городского транспорта. До точки назначения доберёшься, сориентируешься, но понервничаешь изрядно.

Главное делать перемены почаще, тогда бестолковщина будет восприниматься нормой. Не расслабляться!

Иногда мне кажется, что объём бестолковщины уже настолько велик, что не хватает ресурсов для её обслуживания. Пустопорожнее захватило все силы и умы, на работу не остаётся сил. Именно поэтому любой госорган – это замороженное заведение, с которым лучше не иметь дел. Никаких дел.

Между тем, приказ о весеннем ограничении недопиленный висит. С ним как-то не задалось в этот раз. При поиске нужной ссылки для текста наткнулся на противоречивую информацию. Пункт одного закона чуть-чуть противоречил пункту другого. Какой-то внимательный Я сегодня. Чтобы не перегружаться этими ребусами, решаюсь позвонить коллеге, являющемуся автором противоречивых строк в законе. Когда-то он с кучей служб и комитетов разрабатывал эти свои постановления. Кому как не ему знать, что имелось в виду и где правда?

Звоню. С первого гудка слышу раздражённый голос: «чего хотел?». Звучит как: «Вот только тебя сегодня не хватало». В чём-то Я понимаю этого парня: при таком ритме сложно удержать бодрость духа, доброжелательность и расслабленное лицо. Это как в чересчур раскалённой бане, когда лишка плеснули на каменку. У всех бывают подобные моменты, когда хочется скукожиться и выскочить сломя голову, безо всяких «извините», «разрешите» и «будьте добры» ...

Не акцентирую внимания на интонациях, перехожу к делу, и сразу понимаю, что это всё бесполезно. Автор даже не пытается вникать и расшифровать «Квенью»¹⁸, он мне тупо пересылает по почте кучу первичного материала, которым пользовались они там при подготовке постановлений и сообщает об отсутствии времени. Похоже это профессионал своего дела, как и Юлия Владимровна. Тоже в скорлупе.

¹⁸ *Вымышленный язык, разработанный Д.Р.Толкином*

По его хитрости, Я, как исполнитель, должен разобраться в этом мусоре, но время для меня такая же ценность, как и для него. Да и зачем травмировать свою психику, читая километры текстов на сорочьем языке? То, что написано в законе не всегда с первого раза посильно даже судьям и прокурорам, куда мне уж там.

Вынужден вернуться к бюрократии – включаю режим «чиновник» и поехали:

Печатаем кривой приказ с дурацкими (противоречивыми) ссылками → запускаем на подпись директору с приложением рукописной сопроводительной записочки: «Вот это противоречит вот этому. Прошу отписать на согласование юристам».

Юристы либо подписываются под ахинеей и тем самым делят со мной ответственность, либо разберутся в вопросе досконально.

Ну, давайте, ребята, покажите мастер-класс.

А?

Информационно-аналитическая записка

Каждые 3 месяца во всех – абсолютно во всех – органах исполнительной власти (а их только в нашей губернии 35!) наступает день предоставления отчётов о проделанной работе по жалобам граждан. Рассмотрение обращений – одна из существенных функций исполнительной власти. Подразумевается, что население выходит к властям с умными идеями и предложениями, а государственная задача – их отметить детально рассматривать. Чтобы как-то систематизировать и анализировать учитывать этот процесс в цифрах, земным разумом были придуманы большие формуляры с сотнями столбцов и строк. Какие только показатели там не отражены: способ обращения; его повторность; откуда пришло заявление и куда готовили ответ; способ рассмотрения; степень оказанной поддержки, удовлетворённость заявителя результатом и пр. и пр. Эта отчётность имеет обширные формы, и как и вся прочая бюрократия с каждым отчётным периодом разрастается. Чем больше в верхних эшелонах власти желают детализацию и красоту, тем подробнее анкета. В зависимости от проделанной работы за квартал, на заполнение таких форм уходит от одного до трёх часов рабочего времени. Каждое рассмотренное обращение должно быть разнесено по ячейкам со всей тщательностью и осмысленностью. Кроме ячеек да/нет, поддержано-обещано имеются ещё и обязательные текстовые разделы, в которых нужно включить смекалку и написать хоть что-то.

Например, такой раздел: **о выработанных мерах, направленных на устранение причин и условий, способствующих повышенной активности обращения по вопросам, решение которых входит в компетенцию органа власти.**

Не сразу и понять, что имеется в виду. Уже который год этот раздел трактуется по-разному. В зависимости от лица, занимающего должность отдела контроля в аппарате губернатора (а их часто меняют) требования приобретают разные оттенки. Новый работник – новые веянья.

Один малоизвестный служащий, что не из наших дневниковых авторов, решил покривляться в этом месте, а за одно повеселить коллег.

Он среди прочей лабуды написал (привожу дословно):

Выработка мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих повышенной активности населения в существующих условиях, не представляется возможной по ряду причин. Основой множественных и повторных обращений граждан в управление транспорта и дорог является недовольство заявителей текущим состоянием нашей дорожной сети и всего быта.

Прилагаемые усилия по улучшению дорог не достаточны из-за ограниченности финансирования. Жалобы граждан являются формой выражения своих законных требований. Люди не желают есть кашу из топора.

Писать в данном разделе хвастливые отчеты о проделанной работе в дорожном хозяйстве не является верным т.к. проведённые мероприятия не снижают поток жалоб. Чем активнее наш департамент отчитывается о своей деятельности в СМИ, тем большее недовольство проявляет население. Судя по статистике обращений, наша работа не успокаивает жалобщиков, а раздражает их. Иногда даже кажется, что если совсем не работать, то станет только лучше. Не тратить деньги и не отчитываться – хорошая идея.

Бесплатной мерой по снижению активности населения, без решения сути проблемы, может послужить принудительное игнорирование жалоб. Следует либо заставить людей молчать, либо не учитывать их писанину. Мало ли чего там бездельники напридумывают в рейтузах под домино. Если людям разрешить задавать любые вопросы, которые им взбредут на ум, трудно сказать, до чего они могут докопаться. Задавать вопросы государству – дурацкая привычка. В деловой переписке нам, служащим, запрещено использовать вопросы

тельный знак: это непозволительный тон. Предлагается такое же правило распространить среди населения. Вопросы нужно задавать только себе.

С топтунами заявителями также просила разобраться наша уборщица. Она, как человек, знающий в жизни больше всех, должна быть услышана.

Это было ёрничество, которое попало в официальную корреспонденцию, ушло незамеченным далеко наверх и сыграло злую шутку с её автором. Улыбнулись всего несколько человек, остальные машинально копировали отчёт не читая, так же как ЮжнО Плетнево, пока случайно, в правительстве у кого-то не зацепился глаз. Юмор и шуточки здесь не очень-то любят.

Настоящие шуточки только из уст начальника, на которые следует смеяться как под дирижёрскую палочку.

Земельный участок

Один наш сотрудник, – скажем, Дмитрий, – у которого значительный опыт работы за плечами и целая ватага друзей чиновников, однажды приобрёл себе земельный участок.

Знаю о чём здесь можно подумать, но эта история не про коррупцию.

Человек уплатил за участок свои пречистые, предварительно проверив его по всем своим доступным каналам. Будучи дотошным служащим, он не хотел оказаться в кругу тех сутяжников, которым он сам ежедневно готовит успокоительные отписки.

Как бы там парень не старался, но он серьёзно вляпался.

В общем, тут надо по порядку.

Задолго до грянувшей на Димкину голову беды, Область под определённые цели создала специальную структуру под названием Жилищно-строительный фонд и выделила ему серьёзный кусок земли в пригороде. Фонд, как это всегда принято, лихо взялся, но плохо как-то лопнул. Всё, что от него осталось недостроенным, было поручено взять на себя муниципалитету. Руководство области не хотело скандала в предвыборный год и посему предпочло через сторонние рычаги финансирования продолжить начатое. Люди возмущались за медленный ход стройки с обустройством, но это походило больше на безобидное ворчание. В общем, дело шло. И ход этого «дела» создавал ареал заботы власти о населении района. Ходили различные слухи о благодатных местах, о проживании в них чуть ли не всей краевой элиты.

Наш сотрудник поддался ажиотажу, и решил начать строиться в этом же районе. Его все спешили поздравить, заранее напрашивались в гости и всё такое, но как оказалось – напрасно. Дмитрий не смог учесть одного обстоятельства: его кусок улицы находился за границей земли, которой хозяйничал недавно лопнувший Фонд (застройщик). Название района одно и то же, название улицы одинаковое, но не то. Похоже на сигару, но не она – говорят американцы.

На стадии покупки участка официально установить, где проходят границы было практически невозможно. Проекты планировки и межевания только начинали разрабатываться, а координаты непрерывно уточнялись. На генплане всё однородно, без разбивки на собственников земель... Не имел Дима фантазии предположить, что приобретенный им участок находился на просторах частных владений как остров в океане, и что доступ к нему, находится в другой частной собственности.

Неладное наш пока ещё счастливчик заподозрил, когда увидел шлагбаум. Он обратился к местным властям, надавил на конституцию, свободу передвижений и попросил убрать с дороги ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ это недоразумение в виде препятствия проезду. Законы Дмитрий знает, но Администрация и не собиралась фехтоваться с ним, она ответствовала коротко и ясно: «Шлагбаум на частной земле, а дороги нет в перечне дорог. Спасибо за вопрос».

Выяснилось, что действительно, той части улицы, на которой находится шлагбаум, нет в перечне городского имущества. Разматывая по ниточке, стало очевидно, что положение сложилось крайне щекотливым, и не в пользу Дмитрия. Ни коммуникаций, ни дорог от государства, вероятно, там не будет никогда, а все свои действия придётся согласовывать с неизвестным, и скорее всего предприимчивым дядей.

Так уж случилось, что некий ИП «Жук-2000» приобрел по-знакомству на аукционе многоакров, попил их по 10 соток, разрекламировал и распродаёт по доступной цене. Соседство с легендарной фондоской площадкой Ыграло (как потом писали обманутые заявители) только на руку. Нигде не говорилось, что это разные фишки. О тонкостях сделки тоже умалчивалось странным образом.

По Земельному кодексу, который мы конечно же чтим, запрещено выделять участок таким образом, чтобы к постройке, размещенной на нём, был ограничен доступ. Этот закон замечательный, но он не оговаривает нюансы. Жук-2000, как и многие подобные аферисты,

обыграл закон в свою пользу. Под дороги он отмежевал землю с требуемым назначением (под транспортную инфраструктуру). Срежессировал в общеустановленном порядке общественные слушания в присутствии трёх заинтересованных студентов, и генплан уже не могли не принять. Дороги отразились красиво на карте что усыпило бдительность тревожной общественности. Инфраструктура как бы внеслась в перспективу, но НА ЧАСТНОЙ ЗЕМЛЕ. Требования закона соблюдены, а про собственника там ничего не сказано.

Трудно передать сложность положения. Построить что-то на чужой земле это вообще большой вопрос даже для власти, а здесь речь об инфраструктуре, с которой у нас плохо решаются в принципе.

Положено либо выкупать у землевладельца коридор, либо заключать право сервитута (арендовать участок) и от своего кармана – вкладчину с соседями – что-то строить (газ, электричество, воду, дорогу и т.д.). После строительства это добро ещё потребует постоянных расходов на содержание! Понимающий, что такое коллективная собственность и коллективное управление, прочувствует глубину сего бездолья.

Такие ИЖС с заманчивыми названиями у нас обычное дело. Их множество. Люди заселяются и плачут горько. Красиво всё идёт только вначале. Пока меценат имеет интерес в продаже своих участков, он содержит сеть дорог, вывозит мусор, улыбается кому надо. Как только дело по распродаже близится к концу, начинается Апокалипсис. Муниципалитет не в силах воздействовать на это безобразие, к тому же он имеет чёткую установку от руководства сверху «ничего на баланс не принимать» – т.е. экономить.

Дмитрий пришел к нам в отдел чуть ли не всхлипывая.

Похудел он за два дня на 20 килограмм.¹⁹

Первым делом наши заботливые сослуживцы в классической циничной манере начали цитировать законы. Бездушные казённые идиоты забыли переключиться. Потом начали предлагать отменить совершённую сделку. Такой вариант, к слову, был не желателен т.к. покупка проходила через посредника – многодетную мать одиночку. Договор аннулируют, участок вернут первому владельцу, а вот денег от него (её) не дождаться никогда.

Всё уже шло к тому, что нужно незамедлительно избавляться от имущества, и лучше продать его пока не поздно. Скинуть проблему на кого-то другого – первое, что приходит на ум современному человеку. Однако вариант был плох тем, что в настоящее время документы территориального планирования уже имеются и они выложены в общий доступ. Благодаря наконец-то достигнутой правительством прозрачности, то самое «поздно» УЖЕ наступило. Даже моя необременённая смекалкой тётушка, открыв единую кадастровую карту, сориентируется по ней что там к чему и где кроется подвох. Проблема уже стала массовой и каждый второй о ней знает. На поиски доверчивого неосведомлённого покупателя с большими деньгами у нашего Дмитрия к сожалению не оказалось ни умения, ни надежды, ни времени.

Всем управлением соображали, как обхитрить судьбу. Многие в душе, конечно, насмехались над человеком, но помогали чем могли. Некоторым подсобить мешала тупизна, поэтому помогали добрым словом, и на том спасибо.

Предстояло использование служебных полномочий и ведение скрытой игры против своих же коллег по цеху. Для начала по-дружески запросили у Администрации города развёрнутые перечни их дорог с детализацией всего что нам интересно. Начало требовало точных данных т.к. использовать в качестве исходника то, что находится в общем доступе – дело неблагодарное. Заботливые юристы из мэрии публикуют усеченные версии документов, где от посторонних глаз скрыта вся интересная подноготная. Там нет ничего о городских улицах и дорогах, кроме сухого номера и наименования. Это всё равно что в праве собственности на квартиру

¹⁹ гр. Сектор Газа. Тёща

указать только адрес, без площади, этажа и прочей лебеды. Когда-то наш горемыка попался именно на этом: в перечне его улица была, но как выяснилось, – не вся.

На основании полученных данных дотошно прорисовали на карте города каждую улочку с точностью до метра. Наложили на неё экспликацию земельных участков и хлопнули в ладоши. Оказалось, что часть городских улиц, состоящих в официальном перечне, также находятся на частной земле. Видимо на некоторые случаи в порядке исключения, по большой дружбе, работники муниципалитета всё же прикрыли глаза. Сильно прикрывали! Такой факт указывал на отступление от логики и создавал прецедент. На оплошности и было решено подловить их.

В идеале, местная администрация должна либо продолжать начатое (плевать на земельный фактор), либо отматывать назад, чистить перечень, и низко извиняться за допущенную оплошность.

Надо понимать, что, пойдя на такое, они обретут себя на неприятную цепочку событий. Начнутся дикие возгласы целого микрорайона с личными приёмами на самых верхах. Полезут репортажи о том, как дураки в пиджаках не могут разобраться с бумажками. Неизбежными станут вопросы надзорных органов: «с чего вдруг?» и «на каком основании?». Кстати, нельзя просто так выкинуть из муниципального имущества то, на что были потрачены бюджетные средства. Дорогу как положено содержали, ремонтировали, и тут раз – отказались от неё... Так воспрещено, – и это серьёзно наказуемо.

От имени частного подставного лица (двоюродной бабушки страдальца) Я писал о том, что необходимо привести всё в единую логику: либо исключать «много-много», либо включать вот этот горе-отрезок улицы.

Надежды на «успех» было мало, но мэрия покорно выполнила просьбу, – и от этого было даже как-то не ловко.

Следующим письмом бабушка попросила убрать шлагбаум на дороге **ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ**.

Пришлось немного повоевать, но убрали!

Чтобы всё это провернуть, пришлось сделать больно своим коллегам из муниципалитета и оттого иногда кусала совесть. Облик аморале. Иногда они звонили мне же, и советовались как поступать в подобных случаях. Не знаю, догадались ли они там по почерку.

В недалёком будущем у Дмитрия предстояло ещё не мало битв за газопровод, электро-сети и водоканал. Ещё не раз он подключал своих знакомым из разных ведомств, судился и писал петиции.

Этот курьёз ещё раз убедил меня, что с нашей системой что-то не так. Мы своими собственными руками делаем «нечто», в котором сами не в состоянии разобраться и даже договориться.

Хотя, так нам всем и надо.

Путь Дмитрия – каждому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.